

• ЙЕН МАКДОНАЛД •

18+

КОРОЛЬ УТРА, КОРОЛЕВА ДНЯ

Перевод с английского Наталии Осояну

ИНАЯ
ФАНТАСТИКА

Иная фантастика

Йен Макдональд

Король утра, королева дня

«Издательство АСТ»

1991

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Макдональд Й.

Король утра, королева дня / Й. Макдональд — «Издательство АСТ», 1991 — (Иная фантастика)

ISBN 978-5-17-151603-1

1913 год. Ирландия. Юная Эмили Десмонд убеждена, что встретила с фейри, в то время как ее отец пытается построить машину для установления контакта с инопланетянами. Он убежден, что приближающаяся к Земле комета Белла – это корабль, летящий к нам со звезды Альтаир. Середина 1930-х годов. Официантка Джессика Колдуэлл начинает сталкиваться со странными феноменами в совершенно реальном Дублине и постепенно приходит к выводу, что ее фантазии склонны обретать плоть. Одновременно с этим в город прибывают два таинственных незнакомца, у которых есть миссия: охранять наш мир от пришельцев из вне. Конец 1980-х годов. Энъя Макколл, сотрудница рекламного агентства, с помощью своих сверхъестественных способностей по ночам уничтожает монстров, воплощения человеческих кошмаров и фантазий. Грани между мифом и реальностью истончаются, битва Эньи, страдающей от одиночества и усталости, казалось бы, проиграна, но причины разрушения мира вокруг нее таятся в начале века, в юной Эмили Десмонд, когда-то увидевшей фейри. Три времени, три истории, три героини и их встречи с темной стороной человеческого мифосознания, а также с тайнами собственного прошлого. Но мир легенд и мир фейри обманчив, и никому нельзя доверять в попытках вырваться из его цепких объятий.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-151603-1

© Макдональд Й., 1991

© Издательство АСТ, 1991

Содержание

Часть первая	8
Дневник Эмили, 14 февраля 1913 года	10
Личный дневник Эдварда Гаррета Десмонда, 15 февраля 1913 года	11
Дневник Эмили, 6 марта 1913 года	13
Дневник Эмили, 18 марта 1913 года	15
Из личных записных книжек Констанс Бут-Кеннеди, 23 марта 1913 года	16
Дневник Эмили, 2 апреля 1913 года	18
Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 12 апреля 1913 года	20
Записка от миссис Кэролайн Десмонд для миссис Мэйр О'Кэролан	21
Выдержки из лекции доктора Эдварда Гаррета Десмонда в Королевском ирландском астрономическом обществе; Тринити-колледж, Дублин, 18 апреля 1913 года	22
Дневник Эмили, 22 апреля 1913 года	24
Дневник Эмили, 26 мая 1913 года	26
Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 28 мая 1913 года	28
Дневник Эмили, 29 июня 1913 года	30
Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 2 июля 1913 года	33
Дневник Эмили, 3 июля 1913 года	34
Дневник Эмили, 7–12 июля 1913 года	37
Выдержки из крагдаррских интервью от 27, 28 и 29 июля 1913 года, расшифрованные мистером Питером Дрисколлом, бакалавром права из Слайго	42
Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 4 августа 1913 года	49
Дневник Эмили, 28 августа 1913 года	50
Выдержки из заметок и комментариев Эдварда Гаррета Десмонда к «Проекту Фарос» (черновик статьи, предназначенной для Королевского Ирландского астрономического общества)	51
Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 4 сентября 1913 года	52
Из отчета констебля Майкла О'Хары, полицейский участок Драмклиффа	53
Выдержки из истории болезни, написанной доктором Хьюбертом Орром, клиника на Фицуильям-стрит, Дублин	55
Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 3 октября 1913 года	60
Дневник Эмили, 12 октября 1913 года	63
Дневник Эмили, 5 ноября 1913 года	68

Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 16 ноября 1913 года	73
Дневник Эмили, 21 декабря 1913 года	75
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Йен Макдональд

Король утра, королева дня¹

Copyright © 1991 by Ian McDonald

© Наталия Осояну, перевод, 2023

© Василий Половцев, иллюстрация, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Часть первая Крагдарра

*Мы слишком усердно следовали замыслам и желаниям своих
сердец...*

Общее покаяние из «Книги общественного богослужения»

Моему волшебному возлюбленному

Ах, если б нас любовь могла
С тобою вмиг преобразить,
Вручить два золотых крыла,
Чтоб в лунном свете воспарить,
Стать деревом, по-над ручьем
Роняя осенью плоды,
Лососем, ланью, сизарем —
Все это были б я и ты...
И да, мы многое смогли
За много жизней испытать:
Отправиться за край земли,
Все в мире таинства познать.
Но я желала бы с тобой
Бежать вдоль быстрого ручья
И на лугу возлечь нагой —
Прочь, треволнения бытия!
И в той часовне из листвы
Ты бы со страстью взял меня,
Чтоб там, на ложе из травы,
Назвать своей Царицей Дня.
Мы стали бы плясать и петь,
О чувствах радостно трубя.
Лес от любви мог зазвенеть,
Случись влюбиться мне в тебя.
Случись влюбиться нам с тобой,
Я бросила б юдоль невзгод,
Влекомая твоей волшбой,
Ушла б в холмы на эльфов сход.
Владыка Луг ²! Из мира слез
Ты мог бы вмиг украсть меня.

Пусть будет много дивных грез
В чертогах Дану – там родня!
Ну что ж! Гони заботы прочь,
Пусть светят звезды вразнобой.
Нас никому не превозмочь —

² Луг – ирландское божество из племени Туата Де Дананн (народ богини Дану).

Ведь мы любовники с тобой.

Эмили Десмонд

4 «А» класс,

Школа Креста и Страстей

Дневник Эмили, 14 февраля 1913 года

Приветствую тебя, святой Валентин, Владыка Любви. Свидетельствую свое почтение, ибо сегодня твой праздник!

Мы, твои преданные слуги, поем тебе осанну!

Мы украли изваяние святого Валентина из ниши в коридоре у часовни и тайком притащили в спальню. Если сестры узнают о нашей проделке, нас всех до единой исключат, но я заставила девочек поклясться на крови, что они будут хранить тайну и мы отнесем статую на законное место еще до того, как мать-настоятельница начнет обход. С последним ударом часов в полночь, знаменующим наступление Дня святого Валентина, мы водрузили изваяние на стул, который поставили на стол, украшенный подснежниками и крокусами, собранными по моему указанию во время урока ботаники. Мы надели святому на голову корону из фантиков от шоколада, а потом неудержимо хихикающие Шарлотта и Эми принесли штуковину, которую соорудили из украденной глины для лепки, и поставили торчком перед статуей. Мы все вместе исполнили танец святого Валентина в дезабилье, по очереди поцеловали глиняный фетиш и поклялись посвятить себя служению любви. Затем мы сели вокруг статуи, чтобы прочитать, передавая друг другу свечку, написанные нами любовные стихи. Все признали мое стихотворение лучшим – впрочем, мои идеи всегда считают лучшими: празднование Дня святого Валентина тоже затеяла я.

Шарлотта рассказала, что, по словам сына садовника Габриэла О'Бирна, он вот уже больше недели пытается передать мне письмо, но не может. Интересно, промолвила она, что он имеет в виду? И кивнула на глиняную штуковину, которую сделала для святого Валентина.

Да уж, загадка: можно подумать, я не заметила, как этот Габриэл О'Бирн прекращает работу, снимает шапку и скалится всякий раз, стоит мне пройти мимо. Машет, улыбается и все такое прочее. Что ж, пусть она ему скажет, что не нужны мне никакие письма от Габриэла, сына садовника. Не нужны мне проявления его убогих, грязных чувств; я желаю и заслуживаю большего. Я заслуживаю принца фейри, могучего и волевого героя-воина, с волосами цвета воронова крыла и губами цвета крови.

Личный дневник Эдварда Гаррета Десмонда, 15 февраля 1913 года

После трех недель слякоти, снега и грозowych туч прошлой ночью небо достаточно очистилось, чтобы я сумел впервые узреть недавно открытую комету Белла через крагдаррский восемнадцатидюймовый телескоп-рефлектор. Несмотря на все несомненные прелести и милости, графство Слайго не может похвалиться климатом, благоприятным для астрономии, – а именно чистым, как хрусталь, небом, которое так любили жрецы-звездочеты древней Месопотамии и благородной Греции. И с тех пор как в декабрьском выпуске «Ирландского астрономического бюллетеня» было опубликовано уведомление о появлении этого объекта в интересующей нас части небосвода, я не переставал досадовать (дражайшая Кэролайн отметила бы, что я стал в связи с этим весьма невыносим) по поводу того, что лишь мне одному во всей стране – нет! черт возьми! – во всей Европе не суждено увидеть это явление. Так было до вчерашнего дня. Около четырех часов, когда я, как обычно, завершив послеобеденный чай в дурном настроении, расхаживал по рододендроновой аллее, оплакивая ирландскую нацию в целом и графство Слайго в частности, его ветра, погоду и климат, Господь смиростивился надо мной: ветер подул (капризно, как всегда в этой части земного шара), облака расступились, и над сельским пейзажем разлилось великолепное золотистое сияние поздней зимы! В течение получаса небо расчистилось и поглубело до самого горизонта, и, обрадованный этим зрелищем до глубины души, я сразу же вернулся в дом и сообщил миссис О'Кэролан, что буду ужинать в обсерватории. Прошло некоторое время, прежде чем я смог отыскать интересующий меня объект с помощью восемнадцатидюймового телескопа-рефлектора; комета, следуя по дуге, преодолела немалый путь с тех пор, как Хаббард Пирс Белл из Королевской обсерватории в Херстмонсе первым ее засек. И вот мне удалось поймать ее в перекрестье прицела, и я, несомненно, оказался единственным человеком в Ирландии, для которого это было в новинку.

В волнении от того, что мне наконец-то представилась возможность наблюдать комету Белла, я забыл, что ясное небо означает холодную ночь. Мороз пробирал до мозга костей. И вдруг! Почтеннейшая женщина! Достоянейшая из служанок! Миссис О'Кэролан принесла коврики, одеяла, согретые в кухонной плите кирпичи и, самое главное, бутылку потина³ – по ее словам, это был подарок от приходских вдов. Набравшись сил, я с энтузиазмом вернулся к работе.

Хвост еще не появился, комета Белла пока что находилась за пределами земной орбиты. Я записал ее положение, яркость, видимое и собственное движение в журнале наблюдений и сделал несколько набросков. Когда я вновь заглянул в окуляр телескопа, мне показалось, что яркость объекта изменилась, но я все списал на обман зрения из-за сложностей адаптации к крошечной черноте космоса. К тому моменту мороз свел на нет результаты стараний миссис О'Кэролан, и, заботясь о собственном здоровье, я решил сделать через телескоп серию снимков с длительной выдержкой, а затем удалиться в дом, к уютному очагу и супруге. Будучи, как полагается астроному, знаком с местным климатом, я понимал, что ясная, морозная погода продлится несколько дней.

Сегодня утром, проявляя пластинку, я заметил аномалию. Желая убедиться, что это не бракованная эмульсия (серия таких дефектов уже заставила меня расторгнуть соглашение с «Петтигрю и Рурком», поставщиками фотографических принадлежностей из Слайго, – ну что они за негодяи), я без проволочек изготовил полный набор снимков со всех пластинок. Терпение – краеугольный камень профессионализма; любитель, поторопившись, получил бы сма-

³ Потин – ирландский самогон крепостью 40–90 %, который до 1997 года производили только нелегальным, кустарным способом.

занные, бесполезные изображения. Я выждал необходимое время и, когда прозвенел маленький будильник, сразу же понял, что вижу не фотографический изъян, а беспрецедентное и совершенно экстраординарное астрономическое явление.

Путь кометы Белла виднелся довольно отчетливо, он пересекал по дуге очертания знакомых созвездий. На этой дуге, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга, виднелись... за неимением лучшего термина назовем их сгустками света – это были точки настолько яркие, что фоточувствительный слой прожгло насквозь. «Сгустки» располагались примерно в двух дюймах друг от друга, по всей длине пути кометы. Пораженный своим открытием, я на целую минуту утратил способность мыслить здраво. Затем собрался и пришел к выводу, что комета Белла, должно быть, испускает периодические мощные вспышки света. По снимкам я вычислил этот период – двадцать восемь минут; каждая вспышка была чрезвычайно недолгой, зато по яркости небесная гостья становилась равнозначна крупной планете. Невероятно!

Я пролистал статью Хаббарда Пирса Белла, но не нашел в ней даже намека на хоть какие-то изменения яркости. Такое явление невозможно упустить из виду; единственный вероятный вывод состоял в том, что в тот период его и не было.

Восхитительная ирония судьбы! Я, последний астроном в Европе, наблюдающий комету Белла, обнаружил самую захватывающую ее тайну! Я поспешно написал сэру Гревиллу Адамсу в обсерваторию Дансинка письмо с заявлением об открытии; сегодня вечером, с Божьей помощью, снова буду наблюдать.

Я спрашиваю себя, насколько подобает профессионалу (и, что более важно, ученому мужу) испытывать восторг, предвкушая славу первооткрывателя крупного астрономического феномена? (А вдруг ее переименуют в комету Десмонда? Двойное название вполне приемлемо, но только на крайний случай: комета Белла – Десмонда.) Ну вот, пожалуйста. Совершенно неуместное собственническое отношение к куску звездной материи! Поистине ужасно превратиться во взбалмошного школьника из-за хвастливых мечтаний о минуте славы в среде астрономов.

Перейдем к вещам более приземленным, отрезвляющим. Кэролайн в своем репертуаре: охладила мой восторг, выступив за завтраком с речью, полной неприятных подробностей относительно учебы Эмили. Надо признать, я не отрицаю, проблемы Эмили в Школе Креста и Страстей – важная тема, и меня как отца должна всерьез обеспокоить успеваемость дочери; действительно, вопрос имеет первостепенное значение, если допустить, что чадо намерено последовать за родителем по благородной научной стезе. Однако всему свое время и место! Настойчивое требование Кэролайн подробно обсудить эту тему с утра категорически испортило мое приподнятое настроение, и теперь я совершенно не в силах развить подобающее созерцателю небес спокойствие ума. Приоритеты! Мать и дочь – одна другой не лучше. Обе понятия не имеют, что в этой жизни по-настоящему важно.

Дневник Эмили, 6 марта 1913 года

Я снова слышала их прошлой ночью, точно слышала – Гончие Богов ⁴, они там, среди деревьев. Слышала, как они лаяли, словно доисторические волки, учуявшие запах добычи. Слышала крики их хозяина-фейри. Его голос напоминал песню соловья, мелодичную и красивую. Леса Ратфарнхэма звенели от этих звуков. Я представила себе, как разбегаются куда глаза глядят лесные существа: «Расступитесь, расступитесь! Расступитесь пред Вечно Живущими, ибо грядет Дикая охота!» Но что можно преследовать там, в залитом дождем лесу? Что за запах почуяли псы, раз он вынудил их так лаять? Конечно, даже речи нет о чем-то презренном вроде обыкновенной лисы или барсука, которых О'Бирн может иной раз пристрелить, когда они совершают набеги на школьные курятники; нет, ничего столь банального. Возможно, благородный олень. Такая добыча достойна Всадников-сидов. Может, из стада лорда Пальмерстона, или... а такое возможно?... волшебный олень из легенды, из предания – тот самый, которого каждую ночь преследует Дикая охота и убивает, чтобы вместе с утренним солнцем он снова воскрес? Или наиболее романтический вариант: один из их соплеменников, да, охота на двуногую дичь, на воина-фейри, быстрого и смелого, со смехом и без усталости скользящего меж деревьев Ратфарнхэма, героя, для которого псы и копейщики, следующие по пятам, – всего лишь забава. Шарлотта с соседней кровати спросила, почему я глубокой ночью таращусь в окно – дескать, разве я не знаю, что будут неприятности, если сестра Тереза меня застукать? И вообще, спросила она, что я вижу в крошечной тьме?

– Вижу, как Вечно Живущие Охотники преследуют в ночном лесу золотого оленя, послав за ним красноухих псов. Слушай! Ты слышишь, как они лают во мраке? А как звенят серебряные колокольчики на сбруе лошадей?

Шарлотта вылезла из-под одеяла, перебралась на мою кровать и присела рядом. Мы вместе выглянули через зарешеченное окно и прислушались изо всех сил. Мне чудился лай собак, очень далеко, словно Ночная охота прошла мимо и продолжила путь. Я спросила Шарлотту, слышит ли она хоть что-то.

– Кажется, да, – ответила она. – Да, вроде бы я тоже слышала.

12 марта 1913 года

Королевское Ирландское астрономическое общество

Обсерватория Дансинка

графство Дублин

Дорогой доктор Десмонд,

пишу вам несколько строк в знак восхищения и признания заслуг (и, не скрою, зависти) в связи с открытием цикличности кометы Белла. В кои-то веки элегический климат вашего несчастного графства сослужил вам добрую службу: пока вы томились под покровом кельтского тумана, всеобщий интерес к комете угас и ваш телескоп действительно оказался единственным в Соединенном Королевстве, направленным на небесную странницу в тот самый момент, когда она начала проявлять свою уникальность. Какой-то юнец из жалкого маленького университета в Германии попытался опровергнуть ваше открытие; по правде говоря, подозреваю, что это чистейшая зависть. Гунны пойдут на все, чтобы превзойти величие британской короны. Итак, это ваша заслуга, без всяких споров или сомнений, и в результате телескопы, которые отвернулись от кометы Белла в сторону новых небесных пастбищ, с удивительной

⁴ *Белые псы с красными ушами* – Гончие Аннуна (или Свора Аннуна); элемент валлийского фольклора, связанный с миром мертвых.

поспешностью возвращаются к ней. Увы, ваше имя не будет объединено с именем первооткрывателя, но слава, я думаю, окажется не менее прочной, ведь вы обнаружили беспрецедентное астрономическое явление. Мигающая комета! Весьма примечательно!

Я сверил ваши расчеты вращения, углового момента, скорости и цикличности с моими собственными наблюдениями (простите мою самонадеянность в этом вопросе) и обнаружил, что полученные нами числа совпадают с высокой степенью точности. Однако я затрудняюсь сформулировать какую-либо теорию, которая могла бы объяснить цикличность в двадцать восемь минут в сочетании с периодом максимальной светимости всего в две целые и три восьмые секунды. В нашей упорядоченной вселенной все происходит согласно регламенту и расписанию, как на Великой южной железной дороге, и столь парадоксальное поведение небесного тела оскорбляет нас, джентльменов астрономии, до глубины души. Любая гипотеза, которую вы могли бы выдвинуть в целях объяснения феномена, удостоилась бы всеобщего внимания – если наступит момент, когда пожелаете таковую обнародовать, лекционный зал Общества в вашем распоряжении. А пока что еще раз поздравляю с успехом и призываю продолжить изыскания.

Искренне ваш,
сэр Гревилл Адамс

Дневник Эмили, 18 марта 1913 года

Пишу одна в своем укромном уголке – ложбинке посреди лесов Ратфарнхэма. Тайное место, тихая гавань: приют, где ветви деревьев обнимают меня, как заботливые руки. Я женщина, облаченная в зелень, и это мой лиственный будуар. Понадобилось немало времени, чтобы среди деревьев на склоне холма отыскать укрытие, расположенное настолько близко к Школе Креста и Страстей, что можно протянуть руку и почти коснуться кирпичной кладки, но в то же время немыслимо далекое от латыни, греческого и французских неправильных глаголов. Тут я могу побыть наедине с собой, без посторонних, полежать на мягком изумрудном мхе и унести мыслями куда заблагорассудится. Вот я лечу над землей, изничтожая поля, фермы и домишки Ратфарнхэма, и пусть их заменят высокие лиственные деревья – благородные дубы и буки. Взгляните! Покончено с Крестом и Страстями вместе с ее каминными трубами и всем прочим; вырвать и выкинуть. Нет школы, а есть пологая долина, освещенная мягким солнечным светом, и олени вскидывают голову, испуганно подергивают ноздрями, нюхая воздух в попытках учуять охотника. Я королева-поэтесса в малахитовом будуаре, грезящая об одах, балладах и песнях о любви, идиллиях, элегиях, а также плачах по могучим сынам, павшим в кровавых битвах.

Если сестры меня здесь обнаружат, неприятностей не оберешься. Но Эмили вечно попадает в истории, верно? Проблемы, злключения, инциденты... Люди просто не в силах оставить меня в покое, позволить быть где хочу и делать что вздумается. Итак, еще неделя в старом стылом дортуаре, который так пропах гнильем, словно где-то припрятанадохлятина, а потом – две недели дома. Две недели, какое блаженство! Я точно буду скучать по другим девочкам, но... В Крагдарре на лужайке золотятся высокие нарциссы, цветет терновник, боярышник и ольха, в Брайдстоунском лесу поют птицы, деревья покрываются молодой зеленой листвой, и все это мое. Я рада, что появилась на свет весной, когда рождается сама земля. Люблю годы, в которые Пасха выпадает на такое воскресенье, что позволяет мне отпраздновать день рождения в Крагдарре. Интересно, устроит ли мама праздник? А что будет, если я вежливо попрошу ее пригласить мальчиков? Праздники без мальчиков – это скучно.

Из личных записных книжек Констанс Бут-Кеннеди, 23 марта 1913 года

Весна в Дублине! Чудеснейшее время года! Особенно после унылого февраля. Честно говоря, казалось, в этом году он никогда не закончится. Двенадцать месяцев одно и то же; ветер, холод и мокрый снег. Мрак. Но как приятно видеть первое цветение в сквере Сант-Стивенс-Грин и молодую яркую зелень на деревьях вдоль Меррион-роуд. Даже дублинский ветрище с Ирландского моря, способный в середине зимы содрать краску с ограды Тринити-колледжа, подобен нежному и освежающему бризу. И я рада видеть, что смена времен года и пейзажа взбодрила Кэролайн так же, как и меня. Ее настроение заметно улучшалось с каждой милей в поезде, везущем нас к станции Амьен-стрит. А как Кэролайн преобразилась после прибытия в столицу! В очередной раз (сдается мне, давно было пора) она стала тем веселым и жизнерадостным созданием, которое я так хорошо помню со школьных времен. Точно знаю, что сегодня вечером на чтении она очарует весь Дублин: миссис Кэролайн Десмонд, леди-поэтесса из Драмклиффа! Ее визит в Гэльскую литературную лигу давно назрел. Эдвард, хотя и довольно мил на свой причудливый лад, иной раз вызывает самое настоящее бешенство, особенно когда впадает в одно из своих похожих на транс состояний и целыми днями шаркает по дому и саду в ковровых тапочках, бормоча таинственную абракадабру, к которой должно относиться с тихим благоговением, ибо это мудрые размышления о величайших тайнах вселенной. На сей раз – какая-то сказочная чушь о путешественниках с другой звезды, летящих сквозь космос на хвосте кометы. Неудивительно, что бедняжку Кэролайн было так легко увезти из дома. Ну как такое терпеть, спрашивается?..

Неторопливый ужин в отеле с несколькими друзьями из Литературной лиги, за которым последует короткая приятная прогулка до Университетского колледжа и, наконец, триумфальное чтение ее последнего сборника – все это должно вернуть Кэролайн веру в себя. Там будет Вилли. Я должна познакомить его с Кэролайн. Уверена, он будет совершенно очарован ею. Возможно, в следующий раз, когда он окажется на Западе, организую небольшой званый вечер в Раткеннеди для Кэролайн, поэтический тет-а-тет. В Крагдарре атмосфера затхлая, душная и чересчур научная.

29 марта 1913 года

Крагдарра
Драмклифф
графство Слайго
Дорогой лорд Фицджеральд,

выражаю признательность за ваше поздравительное письмо. Очень любезно с вашей стороны, тем более я, как мне кажется, в некотором смысле лишил вас того, что вам причитается, – в конце концов, если бы не ваше зимнее пребывание в Ницце, вы могли бы с таким же успехом наблюдать феномен через телескоп Клэркорта, как я в Крагдарре.

Итак, поскольку мы с вами близкие коллеги, занятые изучением небесных тел, считаю исключительно уместным сообщить, что разработал теорию о природе кометы Белла, которая – говорю, не страшась преувеличить, – сотрясет до основания научное сообщество всего мира, а не только компанию ирландских астрономов. Последние пригласили меня выступить и представить свои теории восемнадцатого апреля. Ввиду того что в этом мрачном форпосте империи мы с вами братья по астрономическому оружию, вполне логично поделиться гипотезой, прежде чем отправиться в львиное логово, дублинскую обитель выскочек и узколобых зазнаек.

Итак, позвольте пригласить вас в Крагдарру; пятнадцатое апреля – подходящая ли дата, чтобы изменить ваш график и переместить какие-нибудь встречи? Прошу, дайте знать при первой же возможности, мне не составит труда подыскать другой день.

В заключение выражаю самую искреннюю надежду, что вы сможете посетить наш скромный дом. И Кэролайн, и я обещаем вам теплейший прием и, как всегда, молимся за вас и леди Александру, которая так же дорога нашему сердцу, как и вашему.

Остаюсь вашим покорным слугой,

Эдвард Гаррет Десмонд,

доктор философии

Дневник Эмили, 2 апреля 1913 года

Крагдарра. Переступив порог, я обошла весь дом, поцеловала каждую стену и каждую дверь! Миссис О'Кэролан с трудом верит собственным глазам; она ходит следом за мной, бормоча себе под нос про дурную наследственность. Милая миссис О'К! Я ее чуть не обняла, когда увидела на платформе железнодорожной станции Слайго. Господи, она бы на меня так посмотрела!

Здесь все именно такое, как я вспоминала в поезде из Дублина. Безупречное, совершенное в каждой детали: люди, лица, краски. Люди: миссис О'Кэролан – полненькая, старомодная, добрая душа; мама – поэтесса, художница и королева из легенд с трагической судьбой, три женщины в одной; папа – взволнованный, торопливый, до такой степени занятый своими телескопами и расчетами, что наверняка моментально забыл о моем присутствии. И краски: алое цветение рододендронов, синева моря, а за ним, точно облако, пурпурная гора Нокнари. Леса, горы, водопад: чудесно! Сегодня я побывала у Брайдстоуна, Невестиного камня, что стоит над лесом на склоне Бен-Балбена. Как славно было провести некоторое время одной, ощутить спокойствие. Там, наверху, где лишь ветер и песня черного дрозда составили мне компанию, казалось, что мир за тысячу лет совсем не изменился. Было нетрудно нафантазировать Финна Маккула и его суровых воинов Фианы, охотящихся в компании красноухих псов на прыгучего оленя в лесных долинах, или же блестящие на солнце наконечники копий героев Красной Ветви, идущих отомстить за павшего товарища.

Возможно, реальность оказалась чересчур насыщенной после стольких месяцев, на протяжении которых моей опорой было лишь собственное воображение; я могла бы поклясться, что не одна шла от Невестиного камня через зеленый лес; какие-то призрачные силуэты порхали от дерева к дереву, становились невидимыми, когда я пыталась присмотреться к ним, и хихикали над тем, какая же я дурочка. Что ж, я всегда знала – это заколдованное место, чертоги фейри.

Поместье «Заросли»

Страдбал-роуд

Слайго

Дорогая миссис Десмонд,

спасибо за приглашение для Грейс на вечеринку-сюрприз, которую вы устраиваете в честь пятнадцатилетия Эмили; я рада принять его от имени дочери. Она с растущим волнением ждет двенадцатого числа. Уверена, девочки прекрасно и весело проведут время.

Я договорилась, что в Крагдарру Грейс отправится с близнецами О'Рахилли, Жасмин и Брайони, в автомобиле О'Рахилли. Рейли, шофер, позаботится о том, чтобы они не натворили бед и вернулись домой в подходящее время.

Искренне ваша,

Джанет Хэллоран

9 апреля 1913 года

Клэркорт

Баллисадэр

графство Слайго

Дорогой Эдвард,

весьма рад принять ваше приглашение в Крагдарра-хаус, и для меня большая честь узнать, что я первым засвидетельствую самое долгожданное событие в астрономическом мире на данный момент – раскрытие тайны кометы Белла.

Однако я боюсь, пятнадцатое число мне не подходит. Я должен присутствовать в Палате лордов на обсуждении близкого моему сердцу законопроекта, Билля об ирландском гомруле ⁵, и в связи с тем, что добираться нужно поездом, пакетботом и так далее, мне придется уехать не позже четырнадцатого. Подойдет ли вам двенадцатое число? Пожалуйста, дайте знать. Я очень хочу навестить вас, так как дела в Лондоне помешают мне присутствовать на заседании Королевского ирландского астрономического общества. Полагаю, я мог бы приехать поездом, который прибывает на железнодорожную станцию Слайго в 18:16. Соответственно, я с нетерпением жду встречи с вами. Увидимся двенадцатого числа; мои самые теплые пожелания вам, вашей супруге и вашей очаровательной дочери.

С уважением,

Морис Клэрноррис

⁵ Гомруль (от *англ.* home rule), буквально – самоуправление, автономия.

Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 12 апреля 1913 года

Еще одно локальное светопреставление! По правде говоря, перестаю чувствовать себя хозяином в собственном доме! Что я обнаружил, когда привез маркиза Клэрнорриса со станции? Мое жилище и место работы наводнили шумные, глупые школьницы! Идея Кэролайн – чаепитие-сюрприз в честь дня рождения Эмили. В результате дом вверх дном. Почему меня об этом не уведомили?! Без сомнения, я сообщил Кэролайн об измененной дате визита лорда Фицджеральда. Иногда складывается впечатление, что она прилагает все усилия для разрушения моих планов и договоренностей.

К чести лорда Фицджеральда, он не выказал никакой досады по поводу девчачьих забав и весьма добродушно отнесся к воцарившемуся разгрому; тем не менее я поспешил провести его в обсерваторию, где воспользовался возможностью с помощью телескопа и фотографий объяснить свою гипотезу относительно объекта, ошибочно названного кометой Белла. Он воспринял идею открыто и без предубеждений, задавая пронизательные и осмысленные вопросы. Но необходимо завоевать не только благорасположенность маркиза. Мне также нужно его немалое состояние, если я хочу довести до конца второй этап исследования, которое предварительно окрестил «Проект Фарос».

Памятка по поводу домашних дел: я должен напомнить миссис О'Кэролан разбудить лорда Фицджеральда в 06:30 и накормить сытным завтраком; почтенному маркизу предстоит долгий путь. Кроме того, надо вызвать человека из города, чтобы он проверил проводку: этим вечером неожиданное отключение электрического тока привело всех в некоторое замешательство и, судя по визгам из гостиной, причинило большое беспокойство приглашенным на праздник юницам.

Записка от миссис Кэролайн Десмонд для миссис Мэйр О'Кэролан

Дорогая миссис О'К,

все повторилось! Вчера, сразу после ужина, на протяжении добрых тридцати минут или около того. Миссис О'К, я в курсе, что вам известно о тайнах электричества столько же, сколько и мне, то есть равным счетом ничего, но у вас есть преимущество передо мной: вы знаете практически каждую живую душу отсюда до Эннискиллена. Не могли бы вы отыскать среди легиона знакомцев и родственников кого-нибудь, кто в силах приехать и взглянуть на проводку, на распределительную коробку, или из чего там еще состоит эта адская штуковина? Я не хочу, я решительно не желаю повторения вторичной катастрофы! Сначала Эмили рыдает и трагически бормочет про «было неловко» и «игры для малышей», что она хотела «пригласить мальчиков», как на «празднике для взрослых», и вообще пирожные, имбирный эль и жмурки ей не нужны... Да, миссис О'К, это жало острее, чем у гадюки! И словно страданий оказалось недостаточно, погас свет, и мне пришлось успокаивать целую комнату малолетних истеричек. Тяготы родительства, миссис О'К. Но сейчас не об этом – вы ведь попытаетесь выполнить мою просьбу, правда? Эдвард обещал в среду прислать человека из города, чтобы кое-что проверить, но мы же знаем, насколько мой супруг бесполезен во всем, не находящемся за миллион миль отсюда, в глубинах космоса. Если проблему не сможете решить вы, мой нудный брат Майкл зайвится в гости, якобы для того, чтобы помочь, и будет бесконечно разглагольствовать о великом, полностью электрифицированном будущем, которое нам обеспечит «Компания по электроснабжению Слайго, Литрима, Ферманы и Южного Донегола». При этом сам даже лампочку накаливания поменять не сможет!

Ввиду обстоятельств, пожалуйста, приготовьте на ужин только холодное мясо и салаты; мы с Эмили пробудем в Раткеннеди-хаусе весь сегодняшний день. Надеемся вернуться примерно к восьми часам.

***Выдержки из лекции доктора Эдварда Гаррета Десмонда
в Королевском ирландском астрономическом обществе;
Тринити-колледж, Дублин, 18 апреля 1913 года***

Таким образом, ученые джентльмены, представляется очевидным, что колебания яркости не могли быть вызваны различными альбедами вращающихся поверхностей кометы Белла – мои математические расчеты это доказали. Единственное – я повторяю, единственное! – объяснение беспрецедентного феномена заключается в том, что световые вспышки имеют искусственное происхождение.

(Тотальный ужас среди присутствующих.)

Если они искусственные, тогда мы должны признать тревожную истину: они обязаны – да, джентльмены, обязаны! – быть результатом деятельности интеллектов, разумов, неизмеримо превосходящих нас с вами, ученые мужи. Некоторые считают, что мы не являемся уникальным творением Создателя; возможность существования великих цивилизаций на Марсе и Венере и даже под грозным ликом Луны много раз обсуждалась в том числе и в этом самом лекционном зале, при участии посвятивших себя науке и исследованиям уважаемых джентльменов.

(Выкрик из зала: «Злоупотребляющих абсентом и бурбоном!» – Смех.)

То, что я намерен предложить, если ученые мужи позволят мне высказаться, – это концепция, на целый порядок более масштабная, чем даже столь возвышенные рассуждения. Я считаю, что артефакт – ибо объект обязан иметь искусственную природу – является доказательством существования могущественной цивилизации за пределами нашей Солнечной системы, на планете, которая вращается вокруг Альтаира, поскольку именно из этого сектора небес происходит объект, называемый кометой Белла. Убедившись, что объект действительно не является безжизненным куском звездной материи, я попытался определить его скорость. Несомненно, ученому сообществу хорошо известна чрезвычайная сложность вычислений с абсолютной математической точностью скорости любого небесного тела; и все же, проявив настойчивость и усердие, я определил искомую величину: она составляет около трехсот пятидесяти миль в секунду.

(Шепот изумления среди присутствующих.)

Более того, на протяжении четырехнедельного периода, пока я наблюдал за объектом ежедневно или настолько регулярно, насколько позволял климат графства Слайго, скорость уменьшилась с трехсот пятидесяти миль в секунду до ста двадцати. Очевидно, что объект замедляется, и из такого поведения возможен только один вывод – он представляет собой космическое транспортное средство неизвестной формы, отправленное жителями системы Альтаир для установления контакта с жителями Земли.

(Выкрик из зала: «О, я вас умоляю!»)

Хотя точная конструкция космического транспортного средства находится вне пределов моего представления, я имею несколько предварительных соображений относительно того, что им движет. Достойнейший француз, мсье Жюль Верн, весьма образно описал...

(Выкрик из зала: «Вы со своими образами его перещеголяли, сэр!»)

...благодарю вас, сэр; описал, как при помощи большой космической пушки можно запустить капсулу, которая достигнет Луны. Какой бы интригующей ни была эта идея, она совершенно непрактична как средство путешествия от Альтаира на Землю. Скорость, придаваемая такой космической пушкой, оказалась бы недостаточной для завершения путешествия при жизни странников.

(Выкрик из зала: «А эта лекция завершится при жизни ученых мужей?» – Смех.)

Поэтому я бы предположил, если меня не будут прерывать ученые мужи, что космическое судно ускоряется и замедляется посредством серии самогенерируемых титанически мощных взрывов, которые продвигают его через межзвездное пространство с колоссальной скоростью, необходимой для преодоления огромного расстояния. Конечно, такую скорость надо сбавить на подлете к Земле, по завершении путешествия, и я бы предположил, что интенсивные вспышки света, которые мы все видели, – это взрывы, помогающие транспортному средству замедлить стремительный полет.

(Выкрик из зала: «Неужели мы всерьез намерены оценить эти причудливые измышления превыше обоснованных и убедительных аргументов королевского астронома?»)

Ученые мужи, я не могу с какой-либо степенью научной достоверности выдвигать гипотезы о том...

(Крики, свист. Выкрик из зала: «Научная достоверность? Да что вам известно о научной достоверности?»)

...какое взрывчатое вещество при этом используется; конечно, ни одна земная взрывчатка не выделяет достаточное количество энергии, чтобы служить практичным топливом в межзвездном путешествии с учетом грузоподъемности судна.

(Выкрик из зала: «Да что вы говорите».)

Однако я провел спектральный анализ света, излучаемого так называемой кометой Белла, и обнаружил, что он идентичен свету нашего собственного Солнца.

(Выкрик из зала: «Еще бы: это же отраженный солнечный свет!»)

Может быть, внесолнечные стелланавты из системы Альтаира научились искусственно воспроизводить силу, идентичную той, что заставляет пылать само Солнце, и приспособили ее для своих транспортных средств?

(Выкрик из зала: «Может быть, гость из Драмклиффа научился искусственно воспроизводить дух „горной росы“⁶ и приспособил его, дабы подпитывать свое несколько вычурное воображение?» – Гомерический хохот.)

Ученые мужи... джентльмены... пожалуйста, окажите любезность, уделите мне еще немного внимания. Поскольку теперь ясно, что мы не уникальны в Господней вселенной, крайне важным и даже безотлагательным вопросом становится возможность общения с этими представителями цивилизации, неизмеримо более благородной, чем наша собственная. Поэтому в сентябре сего года, когда комета Белла максимально приблизится к Земле...

(Выкрик из зала: «Я не верю! Ученые мужи... ведь есть же факты! Посмотрим правде в глаза!»)

...я попытаюсь подать сигнал, оповещающий о наличии разумной жизни в этом мире (Смех усиливается.) внеземных разумных существ.

(Всеобщий хохот и насмешки; крики: «Чушь собачья», «Позор», «Убирайтесь». На трибуну обрушивается шквал буклетов. Председатель призывает к порядку. Поскольку от призывов нет никакого толка, этот глубокоуважаемый ученый муж объявляет заседание закрытым.)

⁶ «Горная роса» (англ. mountain dew) – жаргонное наименование ирландского самогона.

Дневник Эмили, 22 апреля 1913 года

Все это очень неприятно. В доме царит кошмарная аура с тех самых пор, как папа вернулся после выступления. Он заперся в обсерватории и работает как одержимый, при малейшей попытке отвлечь рычит, словно злой пес. Мама просила не беспокоить его. Ей не нужно бояться – я не собираюсь к нему приближаться, пока его настроение не улучшится. Какие бы события ни произошли в Дублине, это настолько испортило атмосферу, что моя Пасха окончательно погублена.

Ну, может быть, не окончательно. О, это звучит глупо, звучит как выдумка, но прошлой ночью я выглянула из окна спальни и увидела на склоне Бен-Балбена огоньки, похожие на свет множества фонарей – как будто там устроили танцы. В детстве я слушала истории миссис О'Кэролан о том, что много лет назад, когда двое объявляли о помолвке, жители прихода по традиции праздновали ее, танцуя вокруг Невестиного камня, а жених и его избранница давали друг другу клятву, взявшись за руки через отверстие в середине монолита. Не могла ли я узреть свадьбу фейри? Вдруг благородные лорды, прекраснейшие леди и серебристо-лунные жеребцы стояли там и смотрели в лучах магических фонарей на Короля Утра и Королеву Восхода, соединивших руки через древний камень, хранитель обетов? Как чудесно и романтично! Когда я высунулась из окна, чтобы приглядеться как следует, мне показалось, что я слышу ржание волшебных коней, игру эльфийских арфистов и веселый смех Воздушного народа. Я действительно верю, в Брайдстоунском лесу есть нечто странное и волшебное! Истинная магия – магия камня, неба и моря; магия Старого народа, Доброго народа, который обитает в Чертогах-под-холмами; магия, которую можно увидеть и ощутить... но только на краткий миг, потом она снова исчезает. Как легко все это утратить! Как запросто холодный свет дня рассеивает магию ночи; она поддается ему, словно туман. Это моя последняя ночь в Крагдарре; завтра я снова уезжаю в Школу Креста и Страстей. И хотя я люблю своих подружек, уже считаю часы до нового возвращения домой – в зеленые леса Крагдарры в тени мудрого и древнего Бен-Балбена, где меня будет ждать волшебный народ.

26 апреля 1913 года

Крагдарра
Драмклифф
графство Слайго
Дорогой лорд Фицджеральд!

Выражаю глубочайшую признательность за ваше письмо от двадцать четвертого числа сего месяца, в котором ваша светлость пообещала поддержать мой проект по установлению связи с межзвездным транспортным средством из системы Альтаира. Я рад, что ваша светлость была избавлена от смущения из-за моего унижения перед Обществом: христиане в пасти львиной, дорогой мой Клэрноррис, не испытывали того, что я испытал в том лекционном зале. И все же, как и у тех мучеников ранней эпохи, вера моя не ослабевает и мое рвение к успешному осуществлению «Проекта Фарос» больше чем когда-либо: мы научим этих высокомерных выскочек кое-чему, когда прибудет звездный народ! И я рад – а еще весьма польщен – слышать, что ваша светлость направила письмо в поддержку моих предложений сэру Гревиллу Адамсу, хотя и сожалею, что, несмотря на все убедительные аргументы вашей светлости, это не возымеет эффекта: джентльмены из Дублина соображают с трудом – они интеллектуальные карлики по сравнению с нами, революционными мыслителями Запада.

Теперь, получив поддержку, возможно быстро приступить к реализации «Проекта Фарос». Чертежи сигнального устройства прилагаются. Тем не менее я изложу сейчас прин-

ципы упомянутого механизма, ибо рисовал схемы с энтузиазмом, способным отчасти усложнить их понимание.

Устройство имеет форму креста из плавучих понтонов, на которых установлены электрические лампы. Крест ввиду необходимости должен быть огромного размера: я подсчитал, что для того, чтобы его было видно из точки перигея, требуются «рукава» размахом в пять миль. То есть без понтонов не обойтись. Артефакт таких масштабов построить на суше невозможно, но на море соорудить относительно просто; что, кстати, дает еще одно преимущество – сигнал будет явственно отличаться от более скромных светочей цивилизации, к коим относится город Слайго. Питание понтонов может по доступной цене обеспечить мой шурин, мистер Майкл Барри, из «Компании по электроснабжению Слайго, Литрима, Ферманы и Южного Донегола». Как полезно иметь знакомых на важных постах!

Здесь, ваша светлость, я должен закругляться. Еще раз благодарю за любезное покровительство этому эксперименту, который, несомненно, войдет в историю как одно из эпохальных свершений тысячелетия. Буду держать вашу светлость в курсе дальнейших событий, особенно в отношении чертежей, которые находятся у «Гилби, Джонсона и О'Брайена», конторы архитекторов из Слайго; а также о моих усилиях по составлению кода, с помощью коего можно просигнализировать альтаирцам (так я поименовал внеземных гостей) о разуме, что стоит за маяком. Да благословит щедрый Господь вас и всех в Клэркорте, особенно леди Александру, о которой мы в Крагдарре не забываем.

Остаюсь вашим покорным слугой,
Эдвард Гаррет Десмонд,
доктор философии

Дневник Эмили, 26 мая 1913 года

Сегодня случилось кое-что очень странное. Сомневаюсь, стоит ли об этом писать. До сих пор не уверена, что инцидент не был сном... Впрочем, нет! Уверена. Каким бы странным и противоестественным ни казалось произошедшее, оно реально и будет запечатлено мною на этих страницах как достойное запоминания.

Я находилась в своем укромном уголке в лесу возле Школы Креста и Страстей, после вечерней службы в часовне. Меня окружали красота и свет роскошного позднего вечера, все казалось настолько преисполненным жизни, насколько это возможно: пчелы, бабочки, птицы и прочее. Самое время, чтобы почитать стихи. Мама недавно прислала один из сборников мистера Йейтса. С книжкой в руке я и ускользнула задворками из школы. Меня никто не видел, в этом нет сомнений, и все же я почему-то все время испытывала странное чувство, будто за мной наблюдают. Беспреданно озиралась, однако не заметила ни души. И все равно у меня причудливым образом покалывало между лопатками. Наверное, надо было вернуться. Знай я заранее, что случится, так бы и поступила.

Даже в зеленом будуаре странное чувство не проходило. Точнее, чувства. Было еще одно, вроде возникающего перед грозой: что-то должно произойти, каждый лист, цветок и травинка словно гудят от силы, которая в любой момент может вырваться на свободу. Но это чувство, в отличие от взгляда невидимого наблюдателя, не пугало. Оно внушало спокойствие и уют.

Я читала стихи из книги и, должно быть, погрузилась в нее очень глубоко, невзирая на все причудливые ощущения, поскольку совершенно не слышала, как кто-то приблизился. Внезапно раздался треск ветвей и шелест листьев, вход в мой укромный уголок заслонила большая тень – огромная, ужасная, пугающая тень мужчины, преграждающего путь. Габриэл, сын садовника. Он стоял и смотрел на меня. Он не произнес ни слова, ни единым мускулом не пошевелил. Он просто смотрел на меня, и это было ужасно, потому что его взгляд красноречиво излагал все те кошмарные, жуткие вещи, которые Габриэл хотел со мной сделать. Я была слишком напугана, чтобы закричать, не говоря уже о том, чтобы сбежать от него. Голова у меня пошла кругом.

А потом мимо моей щеки как будто прожужжала пчела. Я почувствовала легкое колыхание воздуха, словно потревоженного крыльями насекомого, и между ног Габриэла вонзилась стрела. Прямо между ног, прилетев из ниоткуда. Затем у непрошеного гостя сделался такой вид, словно он узрел самое кошмарное, что только мог себе представить. Я никогда раньше не видела подобного выражения шока и ужаса на человеческом лице. Не видела, чтобы кто-то бежал так быстро, как он, визжа, вереща и причитая.

Я оглянулась и... все еще не могу до конца поверить, дорогой дневник, в увиденное. Позади меня стоял светловолосый мужчина с маленькой арфой. И повсюду – к волосам, бороде, одежде, рукам, ногам, даже к пальцам на ногах! – у него были привязаны маленькие лоскутки ткани. И к колкам арфы тоже. Незнакомец был слеп – я сразу это поняла. У него не было глаз. С рождения не было. Глазницы затягивала гладкая кожа.

Музыканта сопровождала рыжеволосая женщина, облаченная в нечто вроде сбруи из кожаных ремней. Она несла огромный, ростом с себя, лук – впрочем, рост оказался невелик, даже меньше моего, – а плечи оружия были искусно расписаны спиралями и узорами из переплетающихся животных. На поясе у нее висел колчан со стрелами.

Я долго таращилась на эту пару, дорогой дневник, но все никак не могла поверить своим глазам. Затем, так и не произнеся ни слова, слепой арфист и лучница покинули мое пристанище и отправились в лес; я услышала, как в спокойном вечернем воздухе плывет песнь той самой арфы, украшенной тряпицами.

Как я уже написала, сейчас все это кажется мороком, ночным кошмаром. Я даже не знаю, что тревожнее – если это случилось на самом деле или если это все-таки был сон.

Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 28 мая 1913 года

Изготовление сигнального устройства идет полным ходом. Рабочие приступили к своим обязанностям с энтузиазмом, который хотелось бы приписать желанию общаться с высшими разумными существами, но подозреваю, связан он скорее со щедростью кошелька лорда Фицджеральда; то небольшое, что мне удалось наскрести из собственных запасов, ничтожно по сравнению с состоянием Клэрноррисов.

Первые секции механизма уже спущены на воду в гавани Слайго, фонари протестированы и признаны годными. После задержек и неразберихи изначальных недель такие успехи вселяют надежду. План состоит в том, чтобы собрать крест из 170 понтонных секций, каждая длиной в 100 ярдов. Звучит устрашающе, учитывая мрачную правду относительно того, что астрономическая механика безжалостна и опаздывать нельзя, но секции в основном были уже собраны на городских верфях, их осталось только отбуксировать в нужное место и закрепить. Наблюдая за легионом рабочих (в которых нет недостатка в нашем объятom нищетой графстве), я не боюсь, что «Проект Фарос» не будет завершен к тому времени, когда внесолнечный корабль достигнет перигея. Главная проблема – разработка универсально понятного способа общения с альтаирцами – недавно была решена, к моему вящему удовольствию. Непреложная истина такова: законы математики на планетах Альтаира не отличаются от тех, которые действуют на нашей планете; а именно отношение длины окружности к ее диаметру, которое мы называем числом π , должно быть знакомо альтаирцам в той же степени, что и нам. Поэтому я сконструировал электрическое реле, с помощью которого одно плечо креста будет мигать двадцать два раза, а другое – семь, что представляет собой дробь, рациональное приближение π . Такой сигнал не может не привлечь внимание стелланавтов, вследствие чего он станет прологом к содержательной беседе, код для которой я в настоящее время разрабатываю, опираясь на простые числа и экспоненты.

31 мая 1913 года

Крагдарра
Драмклифф
графство Слайго
Моя дорогая Констанс,

просто короткая записка, чтобы выразить благодарность за твое щедрое приглашение в Раткеннеди на прогулку по озеру. Конечно, я приеду. Мало что сможет порадовать меня сильнее, чем послеобеденные часы на озере Лох-Гилл на борту «Грании», да еще и в присутствии мистера Йейтса, декламирующего свои стихи, – искусительница, разве могу я устоять? После того маленького званого вечера в Гэльской литературной лиге я искала возможность встретиться с ним снова. Милая Констанс, меня бы никакие оковы не удержали! Но скажи, могу ли я взять с собой Эмили? Она скоро вернется домой на летние каникулы, и я знаю – больше всего на свете моя дочь хотела бы услышать, как мистер Йейтс читает собственные несравненные стихи. Я посылала ей «В семи лесах» и «Зеленый шлем и другие стихотворения», она проглотила обе книги, как голодающий корку хлеба! Получив шанс на самом деле встретиться с этим живым божеством, сошедшим с Олимпа, я уверяю, она будет паинькой; никакого повторения тех дурацких выходок на вечеринке по случаю ее дня рождения. Она чрезвычайно хорошо ведет себя во взрослой компании; настоящая маленькая очаровашка. Кое-кто говорит, она напоминает меня, но иногда кажется, что моя девочка слишком стре-

мится повзрослеть. Пожалуйста, прими все это во внимание. Эмили будет в восторге, ответь ты согласиеш. Если ты в состоянии удовлетворить такую просьбу, я сообщу ей новость в письме; еще раз благодарю за доброту и гостеприимство. Будет так приятно снова встретиться с мистером Йейтсом.

Искренне твоя,
Кэролайн

Дневник Эмили, 29 июня 1913 года

О, как хорошо в Крагдарре сейчас, когда наступило лето! Для меня оно состоит из волшебных мелочей: Майкл и Пэдди-Джо, сыновья миссис О'Кэролан, подстригают лужайку перед домом; взмахи кос, жнущих высокую траву; запах свежего сена; провисшая теннисная сетка продолжает выцветать сезон за сезоном; старый Дигнан, садовник, пытается креозотом обозначить боковые линии на корте так, чтобы они были прямыми; от беседки доносится аромат нагретого солнцем дерева и старой облупившейся краски; играет опера – мама предпочитает выносить большой черный шезлонг с зонтиком, фонограф и рабочие тетради в утопленный сад ⁷ (понятия не имею, как она может работать под эти итальянские вопли); в доме что-то пощелкивает, поскрипывает и шебаршит, как будто сам он потягивается, в летнем тепле возвращаясь к жизни после долгих месяцев спячки; свет раннего утра струится через мое окно на покрывало, и где-то снаружи тихонько шелестят страницы «Айриш таймс». Я всегда осознаю, что лето по-настоящему наступило, когда папа начинает завтракать на свежем воздухе, за столом у рододендронов. И в довершение всего, мне обещали прогулку на пароходе по Лох-Гилл с маминной подругой миссис Бут-Кеннеди и встречу с мистером Уильямом Батлером Йейтсом, величайшим поэтом всех времен и народов! Как будто все сговорилось со всеми, из любви ко мне решив сделать это лето безупречным.

Чтобы подготовиться, я перечитала все имеющиеся у меня книги Йейтса – иногда вслух в саду, ведь чудесные слова и волшебное лето идеально сочетаются друг с другом. Бедные Пэдди-Джо и Майкл, что они должны были подумать при виде хозяйской дочери, которая вальсирует босиком среди рододендронов, декламируя «Озерный остров Иннисфри»?

Погода стоит необыкновенная; с самого дня, как я вернулась домой из Школы Креста и Страстей, на небе ни облачка. Обожаю такие периоды, когда каждый день похож на предыдущий и кажется, что это будет продолжаться вечно, – дни сменяют друг друга, полные все той же безукоризненной, неизменной синевы, потому что светает в четыре, а закат наступает так поздно, что по-настоящему никогда не темнеет, и все сущее кажется подвешенным где-то вне времени, застывшим, как цветок в стеклянном пресс-папье. Воздух насыщен причудливой энергией, будто орбиты Мира людей и Потустороннего мира максимально сблизились и трение двух вселенных преобразуется в томную, чувственную магию. Совершенно невозможно сосредоточиться на чем-либо дольше, чем на несколько минут, без того, чтобы мои мысли не умчались прочь, словно мошкара над ручьем, кишачим рыбой, – та самая мошкара, что замирает неподвижным облаком, а потом уносится с таким проворством, будто обладает даром мгновенного перемещения. Когда все вокруг до такой степени полнится силой и нереализованным потенциалом, кажется невыносимым, что ты так и не увидел ни одного фейри; и с самого возвращения я продолжаю навещать Брайдстоунский лес, отчаянно надеясь, страстно желая хоть что-нибудь увидеть. Но там пусто! Даже не возвращалось чувство, что за мной наблюдают, – я помню, так было весной и еще в тот день, в моем укромном уголке...

Возможно, я слишком многого хочу. Фейри всегда были коварными, взбалмошными созданиями. Может, когда я перестану желать, чтобы что-то произошло, тогда-то оно и произойдет, но... ох, как трудно не хотеть того, чего в глубине души жаждешь больше всего на свете.

Мама и сегодня работала в саду – как ей это удастся в таком пекле, не знаю. Все, чего хочу я, – прохладиться в летнем платье, а она усердно занимается, изучает материал для книги. На этот раз будет не книга стихов, по ее словам, а настоящая книга, серьезная. Мама предполагает,

⁷ Утопленный (или пониженный) сад (англ. sunken garden) – традиционный английский элемент ландшафтного искусства; уютная площадка для отдыха с особым микроклиматом, обустроенная ниже уровня дома и/или основного сада.

что назовет ее «Сумерки богов»: это будет история о том, как христианство свергло с пьедестала Старых, стихийных богов, в которых верили кельты, – сперва загнав их под землю, сделав хозяевами Полых холмов, сидами; в конечном счете, превратив в лепреконов, пук, брауни и строевых фейри⁸. Мне кажется, это печальный и ужасный конец для Старых богов, способных иметь множество обликов одновременно, быть молодыми и старыми, мужчинами и женщинами, людьми и животными.⁹ Лучше бы они все погибли в какой-нибудь великой и благородной последней битве, сказала я маме, а не зачахли и скукожились, как старые генералы в Килмейнхемском госпитале, со своими медалями и стульчиками для купания – точь-в-точь пикси в зеленых гетрах, охраняющие горшки с золотом. Мама согласилась, но сказала, что секрет Старых богов в том, что по-настоящему христианство их так и не одолело; они просто в очередной раз преобразились и ушли глубже в землю. Ирландский католицизм, утверждала она, содержит много элементов, которые вовсе не являются христианскими, а проистекают непосредственно из древних языческих религий. Многие ирландские святые – это просто архаичные боги и богини, завизированные папой римским, а так называемые святые колодцы (подобные тому, что находится в Гортахерке и куда миссис О'Кэролан ходит лечить ревматизм) не что иное, как старые кельтские места поклонения духам воды. Стародавние жертвенные камни часто украшали христианскими символами. В деревне в графстве Фермана есть стоячий камень – старое божество, которое превратили в епископа, с колоколом, посохом и митрой!¹⁰ Да и часть церковных праздников, включая Рождество, Михайлов день и Хеллоуин, – это старые кельтские Лугнасад и Самайн, христианизированные, выдрессированные и лишенные былой языческой силы, словно цирковые львы с выдранными зубами.

Так печально, что великим дням богов и воинов суждено было сойти на нет. Но стоило как следует подумать, и я поняла мамину точку зрения – возможно, христианству при всем его высокомерии не удалось продеть прошлому кольцо в нос и повести к алтарю, чтобы оно преклонило колени перед крестом. Возможно, случившееся освободило прежних божеств от форм и характеров, навязанных людьми, и позволило наконец стать теми, кем они хотели быть, свободными от забот и ответственности этого мира, чтобы снова охотиться и играть в бесконечных лесах потусторонних краев.

Если Потусторонний мир не утрачен, а просто скрыт – словно завернулся в плащ волшебный, покров небес,¹¹ – то, возможно, в него еще могут проникнуть те, кто наделен достаточной восприимчивостью. Возможно, он совсем рядом со всеми искренне стремящимися к нему.

И вот наконец мои догадки подтвердились. В Брайдстоунском лесу было нестерпимо жарко: лиственный покров удерживал разогретый воздух внизу, и он окутал все вокруг плотным, безжалостным одеялом. Воцарилось изнуренное безмолвие – птица не запоеет, ветка не шелохнется. Только дрейфовали пушинки чертополоха, лениво кувыряясь в воздухе, похожем на густой кисель. Деревья источали некую ауру, для которой я не могла подобрать название... Это не было ни чувство, что за мной наблюдают, ни электрическое покалывание от предвосхищения того, что вот-вот случится. Нечто более зыбкое, некое ожидание; оно зама-

⁸ *Лепрекон* – персонаж ирландского фольклора, исполняющий желания; *пука* – коварный кельтский оборотень, чаще всего принимающий облик норовистой лошади; *брауни* – английский домовый. Все три разновидности существ – малые фейри, не наделенные значительной силой, хотя и способные причинить как пользу, так и серьезный вред. Деление фейри на строевых (Trooping) и одиночек (Solitary) предложил У. Б. Йейтс в книге *Fairy and Folk Tales of the Irish Peasantry* (1888; «Волшебные и народные сказки Ирландии», отрывки в пер. А. Блейз).

⁹ Характерное свойство многих кельтских богов – их многоликость, наличие разнообразных ипостасей (иногда с отдельными именами) и/или склонности к оборотничеству.

¹⁰ Описанный камень (Bishop's Stone, Камень Епископа) находится в деревне Килладеас в графстве Фермана и, как принято считать, представляет собой переделанный древний мегалит, на боку которого с помощью инструментов для обработки камня изображены посох и колокол.

¹¹ Вероятно, подразумевается одновременно волшебный плащ кельтского морского бога Мананнана Мак Лира, способный сделать своего обладателя невидимым, и (поскольку плащ по легенде связан не с небом, а с туманом) ткань из стихотворения У. Б. Йейтса «Владей я бесценным покровом небес...» (пер. Э. Линецкой).

нивало меня все глубже, пока я в конце концов не вышла на лужайку, где точно раньше не бывала. Брайдстоунский лес не слишком большой – всего-то несколько акров на склоне Бен-Балбена, – и я не сомневалась, что знаю каждый его уголок, каждую ложбинку, но эта поляна выглядела новой, незнакомой. Воздух был таким недвижимым и тяжелым, что я как будто раздвинула занавес, входя туда. Свет, проникающий сквозь дубовые кроны, испятнал травяной ковер; один туманный, пыльный луч падал на небольшой замшелый камень. Там-то, на камне, я их и нашла – пару сдвоенных крыльев, как у бабочки, хотя я ни разу не видела бабочек с такими большими и изящными крыльями. В них было что-то стрекозье, что-то кружевное – да, они выглядели изысканнее, чем игольчатое кружево из Кенмэра, а их цвет напоминал о масляных разводах на воде.

Крылья фейри. Я вообразила, как крошечная фигурка, не больше моей ладони, взбирается на камень, сбрасывает на мох старые, изношенные крылья; как новые, сжатые бутоны юных крыльев раскрываются на миниатюрных плечах, расправляются, высыхают на солнце, пока их обладательница сидит в ожидании, шевеля ими время от времени; и в конце концов они становятся достаточно крепкими, чтобы она смогла с тихим жужжанием взмыть с камня и унести в пеструю листву.

Я принесла находку домой, спрятала между страницами какой-то книги по ботанике. Поразмыслила, стоит ли говорить маме. В детстве ее часто привозили в Крагдарру – мои бабушки были кузинами. Интересно, видела ли она когда-нибудь что-то в лесу – что-то странное, чудесное; не из нашего мира, а из более удивительного и волшебного. Я думаю об этом, потому что в ее стихах чувствуется магия – слышится далекое пение рога и лай псов Дикой охоты. Мне кажется, мама должна была что-то испытать, но, как и древние стоячие камни, о которых она мне рассказывала, ее детские воспоминания о Потустороннем мире преобразились, вобрали атрибуты и украшения мира брэнного. Вот почему она пишет такие стихи и книги; для нее это единственный способ услышать, как трубят рога Эльфландии ¹² где-то вдали.

¹² Отсылка к роману одного из предтеч современной фэнтези Лорда Дансени «Дочь короля Эльфландии» (1924).

Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 2 июля 1913 года

Сделаю паузу в отчетах о «Проекте Фарос» (который продолжается, к моему вящему удовольствию, хотя я еще не получил ответов даже на десятую часть приглашений, отправленных видным членам астрономического сообщества; приглашений, дающих им шанс стать свидетелями величайшего события этой и – осмелюсь ли такое заявить? – любой другой эпохи: установления связи с расой из иного мира), чтобы прокомментировать менее значимый вопрос личного характера, который в немалой степени меня отвлекает. Я имею в виду, конечно, все более иррациональное поведение моей дочери Эмили. С момента возвращения из Дублина она бродила по Крагдарре, словно сомнамбула, с неохотой уделяя внимание отцу и его эпохальной работе, – ее голова под завязку забита фантазиями о фейри и мифических существах, обитающих в Брайдстоунском лесу. Я не могу понять, а тем более принять запредельную настойчивость моей дочери в отношении истинности и объективности этих фантастических выдумок. И как будто этого недостаточно, сегодня она намекнула, что хочет одолжить одну из портативных камер, с помощью которых я отслеживаю продвижение альтаирского судна: ей надо сделать серию снимков «волшебного народа», резвящегося в лесу вокруг поместья! Неужели это все назло мне и моей рациональной, научной жизненной философии, в порыве подросткового бунта? Случилась ужасная ссора, Эмили настаивала, что больше не маленькая девочка, а женщина и я должен относиться к ней соответственно; я доказывал с мягкой убедительностью и спокойной рациональностью, что, если она желает, чтобы с нею обращались как с женщиной, нельзя упоенно истерить, словно дитя. Увы, ничего не решилось, и я боюсь, что, как и в любой другой ситуации, касающейся Эмили, Кэролайн откажется поддержать меня и встанет на сторону нашей дочери.

Ах, если бы у меня было больше времени, чтобы проводить его с Эмили! Может, тогда она не забрела бы так безоглядно в край фантазий и причуд! Боюсь, в последнее время я не был для нее настоящим отцом, но явление звездного народа по необходимости переворачивает все человеческие отношения с ног на голову.

Ко всему прочему, электрические флюктуации, терзавшие дом на Пасху, возобновились и стали более частыми и продолжительными. Нужно переговорить с мистером Майклом Барри из «Компании по электроснабжению Слайго, Литрима, Ферманы и Южного Донегола», а также с его суровым сотрудником, мистером Макатиром. Препятствия моей работе на столь продвинутой стадии эксперимента – достаточно серьезная проблема. Недопустимо, чтобы электроснабжение понтонных фонарей оказалось ненадежным и вышло из строя в самый неподходящий момент!

Наконец, и это правда последнее, как пресловутая соломинка на спине верблюда, в течение нескольких недель фермеры-арендаторы жаловались на нападения на их птичьи фермы – можно подумать, я каким-то образом несу ответственность за безопасность их личных хозяйств. Ну и что же я обнаружил сегодня утром? Те же самые проклятые хищники ворвались в курятники Крагдарры и совершили акт чистейшего, бессмысленного вандализма, оторвав головы пяти птицам. Как будто у меня мало проблем. Увы, нет времени, чтобы как следует разобраться с этими отвлекающими факторами. Альтаирцы превыше всего.

Дневник Эмили, 3 июля 1913 года

Вчера воцарилось настоящее пекло; в саду сделалось так невыносимо, что пришлось остаться в доме, где условия казались, по крайней мере, сносными. Только папу как будто не трогала жара, он суетливо занимался своими забавными делами, словно было прохладное апрельское утро, а не самый жаркий день столетия (так написали в «Айриш таймс»), в то время как мы с мамой валялись на диванах, беспрестанно умоляя миссис О'К принести очередной кувшин лимонада со льдом.

Да и ночь оказалась слишком жаркой для сна. После – как мне показалось – нескольких часов, на протяжении которых я ворочалась с боку на бок, пытаясь заставить себя заснуть (от такого можно лишь еще сильнее взбодриться), я прекратила борьбу и поднялась с кровати. Небо светилось. Отсветом зашедшего солнца или грядущей зари, не знаю: все часы в комнате остановились и показывали разное время. Луна сияла – только миновало полнолуние. Не знаю, что заставило меня открыть окно; возможно, надежда на прохладный и освежающий ветерок с гор, однако воздух снаружи оказался тяжелее и удушливее, чем в спальне. Все было пурпурным, сиреневым и серебристым. И неподвижным, таким неподвижным. Как будто сон в летнюю ночь, только наяву.

Затем безмолвный голос позвал меня по имени: «Эмили». Я поняла, что должна выйти туда, в ночь. Обязана. Помню, я заметила, что часы с боем на лестничной площадке остановились на без десяти два. Когда я на цыпочках спустилась и выглянула из французского окна в столовой, снова раздался безмолвный голос, зовущий меня: «Эмили». Снаружи воздух прильнул к телу, словно обнимая. Аромат цветов был всепоглощающим – гардения, маттиола, жимолость, жасмин. Вокруг все застыло и притихло, как будто остановилось само время, а не только все часы Крагдарры. Я пересекла утопленный сад и теннисный корт. И остановилась там, где клематис, душистый горошек и мальвы заслоняли беседку. Что-то подталкивало меня изнутри, но я не поддавалась странному чувству. Это было неразумно: чем больше я сопротивлялась, тем сильнее становилось ощущение. И вот оно захлестнуло меня полностью. Я развязала ленты на плечах и сняла ночную рубашку. Когда я это сделала, весь сад, как мне показалось, затаил дыхание, а потом тихонько ахнул. Не было ни стыда, ни страха – по крайней мере, не в тот момент. Я почувствовала себя свободной, почувствовала себя воплощением стихии, почувствовала себя вовсе не голой, а облаченной в плащ волшебный, покров небес.

Безмолвный голос звал меня к беседке, серой, серебристой, похожей на тень в лунном свете. Под карнизом сновали и жужжали светлячки. Но это были не настоящие светлячки, потому что их огни холодные, зеленые; эти же были синими, серебряными и золотыми. Сейчас это кажется странным (сейчас многое выглядит странным относительно той ночи, хотя тогда казалось таким же естественным, как воздух), но я не боялась. Безмолвный голос снова позвал меня, и, когда я подошла ближе к беседке, огни оторвались от карниза и повисли передо мной подвижным, танцующим облаком. Я осторожно протянула руку – не из страха за себя, а скорее из опасения спугнуть их. Один отделился от роя и уселся мне на ладонь. Это позволило мне поднести его ближе к лицу, и я увидела вовсе не насекомое, а крошечную, миниатюрную, не больше мухи, крылатую девочку, светящуюся серебристо-голубым светом. Через мгновение она оттолкнулась от моей руки, и облако огней двинулось прочь, паря над зарослями мальвы в сторону аллеи рододендронов и леса за ней. Я побежала следом – не было сомнений, что меня куда-то приглашают.

Волшебные огни увели меня через перелаз над стеной поместья в Брайдстоунский лес. И там меня ждало волшебство, столь долгожданное, столь глубоко желанное. Брайдстоунский лес был живым, каким я его никогда раньше не знала, – каждая веточка, каждый лист, каждая травинка дышали древней магией, магией камня, моря и неба. Мое сердце бешено колотилось

о ребра, а дыхание сбилось, так силен был призыв умчаться за прекрасной феей вслед.¹³ Свет направлял вперед, вглубь. Повсюду парил пух чертополоха, мягко касаясь моего тела. Аромат растущей зелени был таким же всепоглощающим и пьянящим, как запах цветов в саду Крагдарры. Трава под моими босыми ногами искрилась от росы, но я не чувствовала холода – не чувствовала ничего, кроме потребности проникнуть глубже, дальше. И с каждым шагом волшебных огоньков становилось все больше. В кустах, за деревьями и среди листвы мелькали искорки, и это были не только «светлячки». Среди теней и мельтешения волшебных летунов я краем глаза замечала лица и силуэты, в которых было что-то от людей и что-то от растений – они походили на распустившиеся цветы, листья, пятна серебристого лишайника и морщинистую кору. Я погружалась в лес. Сейчас не могу вспомнить конкретный момент, когда осознала их присутствие; наверное, они проявились не мгновенно, а медленно соткались из воздуха, лунного света и теней. Сначала я подумала, что это ночные птицы или летучие мыши – они были близко, но не настолько, чтобы ясно их разглядеть. Затем они окружили меня со всех сторон, оседлав колокольчики, ежевику, плющ и ветви деревьев, взмывая в воздух при моем приближении. Это были фейри.

Любое из этих существ, обнаженных и невинных, как младенцы в Эдеме, без труда поместилось бы на моей ладони. Конечно, фейри, как и ангелы, не знают ни стыда ни совести, хотя я удивилась, осознав, что не все они, вопреки моей прежней уверенности, были женщинами. Попадались как самки, так и самцы. И они оказались свирепыми, жутковатыми крохами с заостренными ушами, похожими на иглы зубами, темными щелочками кошачьих глаз и огромными, непокорными гривами темных волос. Их крылья были похожи на крылья летучих мышей, в отличие от ажурных, будто сотканных из паутины, крыльев самок. Для столь небольшого размера у самцов имелись непропорциональные, огромные гениталии. А каждая самка – даром что в целом они были хрупкими и прозрачными – обладала парой грудей, свисающих почти до талии.

Под воздействием чар я не сознавала, как далеко забралась – до того места на склоне Бен-Балбена, где когда-то в далеком прошлом обрушилась скала и распалась на большие валуны с острыми краями. В лощине у подножия горы, среди поросших мхом камней, путеводное облако волшебных огоньков рассеялось, чтобы украсить собой ветви деревьев – словно созвездие упало с небес и звезды застряли среди листвы. Я огляделась, не зная, чего ожидать; затем издали до меня донеслись мелодичные звуки арфы. И вдруг я их увидела. Всех, повсюду. Внезапно каждый цветок превратился в лицо, каждый камень обрел глаза. Среди прохладного мха лощины я увидела лепрекона на табурете сапожника. Моему взгляду открылись пуки – существа длиной с мое предплечье, с мальчишеским телом и лошадиной головой, – ловко скачущие в зарослях. Среди корней сидели на корточках создания, похожие на крошечных фавнов: с копытцами, бараньими рогами и яркими человеческими очами. Вдалеке я увидела силуэты женщины-лучницы и слепого арфиста, чья музыка наполняла Брайдстоунский лес, плывя между стволов как дрейфующий пух чертополоха. А за знакомой парой, почти скрытые лунными тенями, стояли Повелители Вечно Живущих: я узрела увенчанные рогами шлемы Дикой охоты, посеребренные луной наконечники копий Воинства сидов. Музыка нарастала, пока весь лес не зазвенел и я не почувствовала, что сердце мое вот-вот разорвется. Тогда воцарилась тишина – глубокая, абсолютная тишина; ничто не шевелилось. Вдалеке, среди деревьев, появилось золотое сияние. Оно двигалось, и по мере его приближения воинство фейри забурлило благоговейным бормотанием. Головы склонились, колени согнулись, наконечники копий коснулись мха. Золото достигло поляны, и я увидела, что это было колесо. С пятью спицами – примерно таким я всегда представляла себе колесо колесницы, – крутящееся само по себе. Оно подкатилось, окутывая меня сиянием. Я почувствовала необоримую потребность

¹³ Отсылка к стихотворению У. Б. Йейтса *Stolen Child* («Похищенный», пер. Г. Кружкова).

преклонить перед ним колени. Заглянув в свет, я осознала, что колесо было многими сущностями одновременно: золотым лососем, сияющим копьем, лебедем с серебряной цепью на шее, ослепительно красивым мужчиной с зеленой веткой в руке. Слова удивления и благоговения застряли в горле. Я протянула руку, чтобы прикоснуться к волшебству, прикоснуться к тайне. Драгоценный свет взорвался передо мной... И следующее, что я помню: опять стою рядом с беседкой, где сбросила ночную рубашку; в одиночестве, голая и продрогшая. Мои ноги – две ледяные глыбы в обильной росе. Странное дело, но, натягивая ночную рубашку, я испытала угрызения совести и стыд. Небо на востоке посветлело; скоро над озером Гленкар разгорится рассвет. Я затряслась от холода и поспешила вернуться домой.

И еще. Когда я вновь проскользнула через высокое французское окно и поспешила в свою комнату, все часы, мимо которых я прошла, показывали без четверти четыре.

Дневник Эмили, 7–12 июля 1913 года

Прошлой ночью период хорошей погоды закончился сильнейшей грозой. Начиналась она достаточно невинно – просто что-то погромыхивало и ворчало где-то позади Нокнари, затем небо постепенно налилось чернотой, и не успели мы опомниться, как полыхнула молния. От грома задребезжали оконные рамы, и на Крагдарру обрушилась стихия. Я никогда раньше не видела ничего подобного: гроза рычала в лощинах и долинах вокруг Бен-Балбена, будто пойманный в ловушку зверь. Миссис О'К не сомневалась, что вот-вот наступит конец света, и с каждым раскатом грома я ловила себя на том, что согласна с нею.

Определенно, изумительная погода закончилась. Когда сегодня утром я выглянула в окно, горы окутались серыми тучами и шел унылый, мерзкий дождь. Я застряла дома на целый день, складывала пазлы в библиотеке, играла с кошкой. Как легко развлечь кошек! С клубочком шерсти они могут играть часами. Повезло кошкам. Мне скучно, я устала от ничегонеделания и впала в уныние. Испортившаяся погода, мне показалось, уничтожила магию. Было ли все просто сном в летнюю ночь?

8 июля

Все еще идет дождь. Похоже, он никогда не закончится. Сколько дождя уместается в туче? Всегда считала, что по мере того, как идет дождь, тучи становятся меньше и в конце концов превращаются в ничто. Очевидно, это не так.

Я постоянно думаю о фейри; о волшебном Потустороннем мире, таком близком к нашему и в то же время таком далеком; о том, что мама сказала про Старых богов, которые на самом деле не умирают, просто принимают облик собственных врагов. Всевозможные мысли кружатся в моей голове, словно узоры в калейдоскопе, желая сложиться в такой, который имел бы смысл, – в теорию или гипотезу (папа был бы рад; я мыслю как ученый!), однако ничего не получается. Как будто существует один-единственный волшебный золотой ключ, открывающий все замки, однако я не могу его отыскать.

Кое-что хорошее сегодня все же случилось: после всех моих просьб и приставаний (папа все время твердит, что я похожа на каплю воды, которая истирает могучий камень), а также, не сомневаюсь, некоторого маминого содействия (проснувшись утром, я, без сомнения, слышала в столовой разговор на повышенных тонах) папа смягчился и разрешил воспользоваться одной из своих камер – переносной складной моделью в коричневом кожаном футляре.

9 июля

Если судить по внешней стороне и только, сегодняшний день не лучше вчерашнего, но я ощущаю витающую в воздухе перемену – схожим образом мы иногда чувствуем, когда тучи разойдутся, а когда дождь будет идти весь день. К трем часам небо со стороны Атлантики местами поголубело и – чудо из чудес! – появились редкие лучи рассеянного и тусклого солнечного света. Условия все еще были далеки от идеальных, но я не собиралась терять ни минуты из-за погоды. Вооружившись фотоаппаратом и блокнотом, я отправилась в Брайдстоунский лес охотиться на фейри. Все впустую. Они, должно быть, еще чувствительнее к стихиям, чем мы. Впрочем, день прошел не совсем бестолково. За чаем я как будто впервые в жизни заметила резные голландские деревянные глобусы, которые папа держит на каминной полке в столовой. Это полые деревянные шары с нарисованными старыми картами мира, которые открываются как матрешки – меньшие сферы уместаются внутри больших. Когда я их заметила, что-

то в моей голове щелкнуло, и все мысли и идеи, которые там невозбранно мельтешили, начали складываться в единое целое.

10 июля

Сегодня тоже никаких фейри. Но я чувствовала их, как никогда раньше в Крагдарре, – ощущала жуткое, электрическое присутствие.

Я разрабатываю теорию о фейри: она заключается в том, что наш и Потусторонний миры лежат один внутри другого, как концентрические сферы резных голландских глобусов, существуя на разных планах бытия. Во многом они похожи, но, думаю, Потусторонний мир меньше нашего, если судить с человеческой точки зрения. Возможно, с точки зрения Потустороннего мира все наоборот. Оба следуют одним и тем же маршрутом вокруг Солнца, и (в этом заключается главное различие) оба вращаются, но с разной скоростью. В нашем мире сутки длятся двадцать четыре часа; в Потустороннем день от рассвета до заката может длиться целый год. Папа был бы доволен следующим умозаключением; я сверилась с астрономическим атласом в библиотеке и все продумала весьма по-научному. Поскольку периоды вращения различны, возможны моменты, когда ось нашего мира наклонена под углом, отличным от оси Потустороннего мира, в результате чего поверхность Потустороннего мира касается поверхности нашего мира, а затем проходит сквозь нее. Эта область пересечения начинается с точки и, увеличиваясь, превращается в круг. Затем, с продолжением орбитального движения, оси наклона опять совмещаются, и зона взаимопроникновения уменьшается до точки. Я думаю, именно поэтому Потусторонний мир всегда ассоциировался с чем-то под поверхностью Земли – с полыми холмами, подземельями. В маминой книге подчеркивается, что в легендах входы в Потусторонний мир всегда оказывались в пещерах и озерах. Моя теория также объясняет, почему сверхъестественные события привязаны к равноденствиям и солнцестояниям – именно в эти даты происходит сдвиг осей! Думаю, география Потустороннего мира должна сильно отличаться от нашей. Наверное, там гораздо меньше морей и гораздо больше суши – легендарный Тир на н-Ог¹⁴, как известно, расположен на западе, где в рамках земной географии существует лишь пустая Атлантика.

Чем больше я размышляю о своей теории, тем больше она открывается передо мной, точно волшебные врата в Потусторонний мир – озаренный лунным светом путь, ведущий в страну вечной молодости. Я взволнована, как будто после долгого, трудного восхождения поднялась туда, откуда с высоты открывается совершенно новый пейзаж.

11 июля

Погода улучшилась, посветлело; сильный бриз с океана гонит проворные белые облака. Я отправилась в лес, предвкушая удачу, и не разочаровалась. Я видела пуку – человечка с лошадиной головой. Он застал меня врасплох, внезапно появившись из зарослей ежевики. К тому времени, как я оправилась от неожиданности и нацелила камеру, он исчез. Но, по крайней мере, я знаю, что они рядом. Завтра, быть может, мне повезет.

Сегодня я думаю о фейри – о том, что в старые времена одна и та же личность имела множество обликов; могла быть лососем, рябиной, орлом и большим золотым котлом одновременно. Это наводит на мысль, что, возможно, нынешние фейри – пуки, лепреконы и строевые фейри – представляют собой новые формы все тех же мифических персонажей. Но эти новые формы кажутся мне гораздо менее изысканными, чем ранние, стихийные личины, как будто

¹⁴ Тир на н-Ог – остров вечной молодости в кельтской мифологии.

фейри выродились, а не поднялись на новую ступень развития. Я сочла это странным и продолжила изыскания. Сестры-наставницы пришли бы в ужас, узнав, что я читала Чарльза Дарвина; так или иначе, именно к его «Происхождению видов» (как ни странно, один из маминых вкладов в библиотеку, а не папин) я воззвала о помощи. Прочитанное там лишь подтвердило мои подозрения. Живые существа не деградируют до менее сложных форм, а эволюционируют до более развитых, обретают все больше новых качеств. Что подводит меня, дорогой дневник, к самому поразительному на сегодняшний день выводу. Эти малые, узко специализированные виды фейри – ранние, примитивные, менее развитые формы; а вот древние, стихийные оборотни, у которых было много тел и одна личность, представляют собой более поздние, высоко развитые вариации. Возможен единственный вывод: время в Потустороннем мире течет в направлении, противоположном нашему.

12 июля

Сегодня мне сопутствовал успех! Утром я тихонько подобралась к группе строевых фейри, занятых туалетом – они умывались поздней росой, все еще лежащей в колокольчиках наперстянки, – и сумела сделать пару снимков. Не знаю, получились ли они – я же не фотограф, – но очень надеюсь, что да. Важно, чтобы у меня появились доказательства. Кажется, фейри знали о моем присутствии и позволили себя сфотографировать. Но, если в Потустороннем мире время течет в другую сторону, с их точки зрения, все уже случилось: я не начала снимать, а внезапно перестала.

Весь Брайдстоунский лес сегодня кажется причудливым, словно это не место, рядом с которым я выросла, которое знаю и люблю, а часть древних диких лесов Потустороннего мира, каким-то образом проникшая в наш. Деревья выглядят невероятно высокими, воздух полнится хриплыми птичьими криками и хлопаньем крыльев.

После обеда я мельком увидела фейри-лучницу. На этот раз никаких сомнений; она знала о моем присутствии и, прежде чем скрыться в подлеске, с улыбкой ждала целую минуту, пока я возилась с камерой. Ближе к чаепитию я наткнулась непосредственно на следы Дикой охоты и шла по ним добрых полчаса. Увы, на этот раз мой улов наверняка ограничится размытым изображением оленьих рогов на фоне неба.

Думаю о том, что написала вчера про время, которое в Потустороннем мире течет в обратную сторону. Сдается мне, это разъясняет механику магии; впрочем, чем дольше я осмысливаю эту идею, тем сильнее голова идет кругом. Например, мы чего-то желаем в своем настоящем (которое одновременно и настоящее фейри – в этой точке наши миры соприкасаются). Реакция на желание наступает в нашем будущем, которое для фейри – прошлое, ибо они в своем будущем (то есть нашем прошлом) что-то меняют и делают так, чтобы в нужный момент – в нашем будущем, их прошлом – все сбылось. Вот почему магия такая, какая есть... ну, магическая; вот почему причинно-следственная связь как будто исчезает – с точки зрения нашего времени ее и в самом деле не существует, но фейри все делают в соответствии с собственной стрелой времени¹⁵, собственными законами, объединяющими причину и следствие. В своем прошлом они видят результат – сбывшееся желание, – и поэтому в своем будущем обязаны все устроить так, чтобы случившееся имело какое-то обоснование. Впрочем, мне кажется, фейри не так уж сильно скованы закономерностями прошлого и настоящего, как мы; вот почему в нашем мире они могут принимать как грядущие, так и бывшие формы – они способны извлечь нужный облик из собственных воспоминаний о прошлом или из своих надежд на будущее.

¹⁵ В реальной истории понятие *arrow of time*, «стрела времени» (смысл которого в упрощенной форме сводится к тому, что время имеет направление), придумал и популяризировал в конце 1920-х британский астрофизик Артур Эддингтон.

Понятно, да? Как я и говорила, кружится голова, если слишком долго и упорно думать об этом.

22 июля 1913 года

Раткеннеди
Бреффни
графство Слайго
Дражайший Хэнни!

Тысяча и одно извинение. Прошло чересчур много времени с тех пор, как я в последний раз писала тебе, не говоря уже о том, когда мы в последний раз виделись. Боюсь, виновата в этом я одна, и даже не могу сослаться на то, что увязла в работе по самое известно что. Увы, я просто-напросто худший в мире друг по переписке.

Так или иначе, прими стандартные приветствия, пожелания здоровья, богатства, счастья и т. д. Без дальнейших церемоний перейду к сути послания.

Мой дорогой Ганнибал, немедленно бросай все дела и приезжай в Слайго! Здесь происходит нечто экстраординарное и захватывающее, и ты...

Я забегаю вперед. Будет гораздо меньше путаницы, если изложить события в естественном порядке, как они и случились. Фредди говорит, такова моя извечная проблема: мчусь с места в карьер и приезжаю в никуда.

Как ты, возможно, знаешь, другая Констанс – моя двоюродная сестра по линии Гор-Бутов – пригласила Уильяма Батлера Йейтса на несколько недель в Лиссаделл. Поскольку мы соратники по Гэльской литературной лиге и националисты, приверженцы Зеленого флага ¹⁶, я не могла пройти мимо такого события. Я велела Беддоузу и парням из поместья надраить палубу и подкрасить старушку «Гранию» (помнишь? наш достопочтенный семейный пароходик), намереваясь устроить небольшой круиз, по совместительству пикник и литературные чтения. Среди приглашенных творческих личностей была Кэролайн Десмонд (да, из тех самых Десмондов, хотя она не имеет отношения к конструкции, болтающейся в заливе Слайго) с дочерью Эмили, которая в достаточно нежном возрасте уже ярая поклонница Вилли, его поэзии и философии. Да, вопреки тому, что ты мог прочесть в газетах, в доме Десмондов присутствуют и здравый смысл, и хороший вкус – само собой разумеется, то и другое прочно привязано к прялке. Ну так вот, день прошел изумительно. Погода стояла отличная, старушка «Грания» знай себе пыхтела, котел не грозил взорваться, никто не благословил Лох-Гилл плодами своей морской болезни, Беддоузу не пришлось выуживать из воды багром какую-нибудь из старых дев Лиги, Вилли вел себя с привычным олимпийским спокойствием, вино на этот раз остудили как следует, на пикнике на берегу острова Иннисфри никто не захворал от передания и теплового удара и т. д. Ты сейчас думаешь, наверное, ну и что такого необычного могло случиться. Терпение, мой дорогой Хэнни. Терпение! Гром грянул, лишь когда «Грания» оказалась в пределах видимости пристани Раткеннеди. Вилли, как водится, собрал вокруг себя небольшую группу подхалимов и потчевал их какой-то ученой белибердой о кельтском мистицизме и оккультизме новой эры, и тут эта девочка из Десмондов, юная Эмили – словно чертик из коробочки, Хэнни! – продемонстрировала серию фотографий, на которых, как она утверждала, изображены существа из легенд, обитающие в лесу вокруг ее дома. Разумеется, поднялся такой шум, что я обязана была выяснить, какова причина ажитации. Беднягу Вилли чуть не хватил апоплексический удар, и... как бы выразиться без крепких словечек... Господи боже ты мой! Она не соврала. Десять снимков с заметками о том, где, когда и как был сде-

¹⁶ *Зеленый флаг с золотой арфой* – неофициальный и широко известный символ Ирландии, придуманный в XVII веке Оуэном О'Нилом.

лан каждый, вплоть до погодных условий! ¹⁷ Некоторые, должна признать, оставляют чересчур большой простор для воображения – на них лишь тени, которые с одинаковой легкостью могут быть ветвями деревьев, рогами или наконечниками копий Дикой охоты, состоящей, как она утверждает, из сидов. Но есть и куда менее сомнительные – два снимка дерзкой потаскушки в наряде из кожаных ремешков, с луком размером с нее саму и с улыбкой, которую можно поместить где-то между улыбкой Джоконды и ухмылкой какой-нибудь мадам с Монтгомери-стрит. Еще убедительнее выглядит фотография с шестью маленькими лесными нимфами – ради всего святого, Хэнни, они умываются, черпая росу из цветов наперстянки! И самые неопровержимые – последние два снимка в серии: маленький обнаженный манекен с головой лошади и сама Эмили, с улыбкой смотрящая на крошечную крылатую женщину, что сидит у нее на ладони и расчесывает длинные волосы собственными пальчиками.

Дорогой мой Хэнни, ну что тут скажешь! Я сама видела фотокарточки и убеждена в их подлинности. Если бы это устроил опытный фотограф, сомнения могли бы возникнуть, но Эмили Десмонд всего пятнадцать лет!

Конечно, с того дня Вилли пребывает в прекрасном настроении и жаждет организовать серию интервью с Эмили, желательно под гипнозом, чтобы окончательно доказать существование мистического мира, отличного от нашего, но имеющего точки соприкосновения с ним. Еще до того, как я услышала слово «гипноз», я подумала о тебе, Хэнни, – в конце концов, ты ведущий исследователь странного и сверхъестественного в нашей стране. Вилли не имеет ни малейшего представления о месмеризме или, если на то пошло, о научных изысканиях, поэтому я предложила ему тебя, перечислив кое-какие заслуги, и теперь он настаивает, чтобы ты приехал. Знаю, тебя вряд ли придется просить дважды – но, пожалуйста, придержи лошадей, не начинай бросать вещи в чемоданы, звонить на вокзал и т. д. Сперва я кратко изложу детали.

Кэролайн Десмонд предложила собраться в воскресенье, двадцать седьмого числа этого месяца. Телеграфируй мне, пожалуйста, и дай знать, приемлема ли дата. Мать Эмили также предложила разместить тебя в Крагдарре, но в Раткеннеди больше места, сказала я, – и, в любом случае, мы же старые друзья. Хэнни, дорогой, нам о многом нужно поговорить! Скажи, что сможешь приехать, – умираю от желания снова тебя увидеть. Кажется, прошло больше трех лет с тех пор, как наши пути пересекались в последний раз.

Erin Go Bragh! ¹⁸

Конни

¹⁷ В основе этого сюжетного поворота лежит история о феях из Коттингли – мистификация, случившаяся в 1917–1921 годах, одной из жертв которой стал сам Артур Конан Дойл.

¹⁸ «Ирландия навсегда!» (искаж. ирл.)

***Выдержки из крагдаррских интервью от 27, 28
и 29 июля 1913 года, расшифрованные мистером
Питером Дрисколлом, бакалавром права из Слайго***

Первое интервью: 21:30, 27 июля.

Присутствовали: мистер У. Б. Йейтс, мистер Г. Рук, миссис К. Десмонд, мисс Э. Десмонд, миссис К. Бут-Кеннеди, мистер П. Дрисколл.

Погода: ветрено, слабый дождь.

Йейтс: Мистер Рук, вы совершенно уверены, что Эмили находится в гипнотическом трансе и восприимчива к моим расспросам?

Рук: Уверен, мистер Йейтс.

Йейтс: Что ж, ладно. Эмили, ты меня слышишь?

Эмили: Да, сэр.

Йейтс: Скажи мне, Эмили, были ли те фотографии, которые ты мне показала, каким-либо образом сфальсифицированы?

Эмили: Нет, сэр.

Йейтс: Прошу секретаря отметить: научные исследования доказали, что субъект не может лгать под гипнозом. Значит, это подлинные фотографии волшебного народа?

(Ответа нет.)

Рук: Вы должны задать вопрос напрямую, мистер Йейтс.

Йейтс: Простите, запамятовал. Я повторяю: Эмили, являются ли эти фотографии реальными изображениями сверхъестественных существ? Фейри?

Эмили: Фейри? Конечно, они фейри – Древний народ, Вечно Живущие.

Йейтс: Пожалуйста, запишите, что субъект, когда ее во второй раз спросили о достоверности фотографий, снова подтвердила их подлинность. Итак, мы установили аутентичный характер фотографий – а теперь, Эмили, не могла бы ты сказать мне, за сколько сеансов были сделаны снимки?

Эмили: Три. Один раз утром. Дважды во время раннего полудня. Три дня. Затем...

Йейтс: Продолжай, Эмили.

Эмили: Как будто они не хотели, чтобы я снова их фотографировала. Они сделались далекими и отчужденными, словно туча закрыла солнце. Они отстранились от меня, спрятались в лесу. Я не видела их уже много дней – о, почему же они скрылись от меня?! Я лишь хочу с ними дружить.

Йейтс: Спасибо, Эмили. На данный момент это все.

Рук: Извините, мистер Йейтс, одну минуту. Могу я задать пару вопросов, прежде чем мы завершим сеанс? Эмили, когда случилось первое сверхъестественное проявление?

Эмили: Первая ночь была шестого июля. Я помню... я записала это в своем дневнике. Это была последняя очень жаркая ночь. Я вернулась домой из Школы Креста и Страстей дней за десять до того. Я слышала, как они звали меня по имени, и, когда я вышла посмотреть, что происходит, сад был полон огней. Они повели меня в лес. Я и представить себе не могла, что фейри так много и что они такие красивые.

Рук: А ты помнишь, как выглядела луна в ту ночь?

Эмили: Я помню, что она была очень яркая... полнолуние только что миновало. Как же она сияла!

Рук: Шестое июля. По моим прикидкам, примерно полчаса после полнолуния. Хм-м. А даты последующих проявлений, Эмили?

Эмили: Одиннадцатое, двенадцатое и тринадцатое.

Рук: Спасибо, Эмили. Теперь ваша очередь, мистер Йейтс. У меня больше нет вопросов.
Второе интервью: 21:50, 28 июля.

Присутствующие: те же персоны.

Погода: порывистый западный ветер с ливнями.

Йейтс: Встреча, упомянутая тобой вчера (сверяется с заметками), в ночь на шестое июля – это был первый опыт такого рода?

Эмили: Нет.

Йейтс: Были – прошу прощения – ты как-то иначе сталкивалась с этими существами?

Эмили: Да. Был один случай.

Йейтс: Не могла бы ты рассказать нам про него?

Эмили: Это случилось в школе, в Ратфарнхэмском лесу. Я всегда чувствовала, что они там, в дебрях. По ночам я слышала, как они охотятся. Слышала лай псов, звон колокольчиков на уздечках лошадей и соколиных опутенках... Да, охота. Где-то в лощине.

Йейтс: В лощине?

Эмили (кажется, теряя терпение): Да, в лощине. Моя лощина, мое тайное место, мое личное убежище, где я могу побыть наедине с собой, отгородиться от Школы Креста и Страстей и сестер-наставниц и в должной степени затаиться, чтобы ощутить магию.

Йейтс: Пожалуйста, продолжай.

Эмили: Мне угрожала опасность от того, кто слал письма, – от того, кто говорил, что любит меня. Они пришли и прогнали его, прежде чем он смог причинить мне боль.

Йейтс: Э-э... речь про фейри? Я не понимаю. Эмили?

Эмили: Одной из них была лучница, которую я сфотографировала. Она стояла близко от меня, вот как вы сейчас. Ее лук был выше, чем она сама. Видите ли, она не очень высокого роста, даже меньше меня, и я помню, что на тетиве была стрела. Она выстрелила в него – не для того, чтобы причинить боль, а чтобы напугать, – и он убежал. Другой был арфист. Слепой арфист. Как будто родился без глаз. Там, где должны быть глаза, только ровная кожа. Он очень высокий и худой, и у него всюду привязаны лоскуты и ленточки: к пальцам, бороде, волосам, струнам арфы и так далее. Раньше я удивлялась, почему он весь обвязан этими маленькими тряпочками, но теперь понимаю! Они помогают ему ориентироваться. Это как кошачьи усы – их шевелит ветер, листья и ветви, и таким образом слепой чувствует различные движения и понимает, где находится.

(Изумленный шепот в комнате. Сразу несколько человек начали говорить, но мистер Г. Рук заставил их замолчать.)

Рук: А ты не могла бы мне сказать, в какой день случилось это... э-э... событие?

Эмили: Второго апреля.

Рук: Понимаю. Очень интересно. Простите, миссис Десмонд, – полагаю, ваш супруг в силу рода научных занятий владеет чем-то вроде астрономического альманаха или календаря? Нельзя его одолжить на одну-две минуты? (Миссис К. Десмонд приносит из библиотеки упомянутый альманах.) Благодарю. Дайте-ка проверим, второе апреля 1913 года... Проклятие, что происходит?

К. Десмонд: Мне очень жаль – опять эти омерзительные перебои в электроснабжении, о которых я упоминала вчера. Миссис О'Кэролан... миссис О'Кэролан, лампы, пожалуйста. Если хотите, господа, можем продолжить при свете ламп.

Рук: Спасибо, миссис Десмонд, но прежде, чем я смогу возобновить расспросы, мне нужно кое-что изучить, и, если у мистера Йейтса нет новых вопросов, я думаю, на сегодня хватит – мы и так замучили бедняжку Эмили.

Третье интервью: 15:30, 29 июля 1913 года.

Присутствующие: те же персоны и доктор Э. Г. Десмонд.

Погода: облачно, с запада надвигается дождь.

Эмили (на лице отражается экстаз): О, разве вы их не слышите? Разве вы их не чувствуете? О, я думала, что потеряла их, оскорбила и они спрятались от меня, но они вернулись, они пришли за мной. О, разве вы не слышите, как они взывают из лесов и лощин, с горных склонов? Они прекраснейшие из прекрасных, сыновья Дану; никто не сравнится с красотой обитателей полых холмов: ни сыновья Миля Испанца, ни дочери гордой Медб, дремлющей на холодной вершине Нокнари. Плащи у них из красной шерсти,¹⁹ туники – из тонкого греческого шелка. На груди у каждого – знак героев Красной Ветви, на челе – венец из желтого золота; кожа бела, как кобылье молоко, а кудри черны, как вороново крыло. Очи сверкают, словно железные наконечники копий; губы карминовые, будто кровь. Они восхитительны, эти сыновья Дану, но нет среди них кого-то прекраснее и благороднее, чем Луг Длиннорукий. Могуч он и силен, золотом сияют его локоны и кожа, и золото с зеленою – наряд его, в цветах королевской крепости Бру-на-Бойн. Он – Луг, Король Утра, Мастер Тысячи Навыков. Нет никого, кто мог бы сравниться с ним в музыке или стрельбе из лука, поэзии или военных победах, охоте или нежных подвигах любви. (Доктор Десмонд краснеет.) Мы – всадники на крыльях рассвета, он и я, танцоры в залитых звездным светом чертогах Тир на н-Ог. И с заходом солнца мы взлетаем в облике лебедей, соединенных цепями и ошейниками из красного, ах, такого красного золота, мы сквозь ночь стремимся в Страну Восхода, где снова отправляемся в чудесное путешествие любви. Мы пробовали фундук с Древа Мудрости. Мы были многим и многими: дикими лебедями на озере Код; двумя земляничными деревьями, что сплелись на голом горном склоне; белыми птицами над пеной морской. Мы были растениями, прыгающими серебристыми лососями, дикими лошадьми, рыжими лисами, благородными оленями; храбрыми воинами, гордыми королями, мудрыми волшебниками...

Йейтс: Очаровательно. Совершенно очаровательно. Ах, спасибо тебе, Эмили. На данный момент этого достаточно. Мистер Рук, хотите о чем-то спросить?

Рук: Всего лишь пару вопросов, если позволите. Эмили, не могла бы ты сказать, когда у тебя началось последнее менструальное кровотечение?

(Всеобщее потрясение.)

Йейтс: Мистер Рук. Умоляю!

Рук: Прошу прощения, если оскорбил чьи-то чувства, однако исследование сверхъестественных проявлений – моя сфера деятельности, и такие вопросы имеют в ней ключевое значение. Эмили, ты меня слышала?

Эмили: Восьмого июля.

Рук: Насколько регулярно они случаются? Я имею в виду, между ними всегда проходит одинаковое количество дней?

Эмили: Всегда. Двадцать девять дней.

Рук: Итак, предыдущие начались бы, скажем, шестнадцатого июня?

Эмили: Да.

Рук: А следующие начнутся, хм, дайте подумать, через восемь дней, восьмого августа? В новолуние?

Эмили: Да.

Рук: И сколько времени прошло с тех пор, как ты вновь ощутила присутствие фейри?

Эмили: Это началось вчера вечером. Ночью я почувствовала их во сне – ощутила их присутствие в лесу, они звали меня.

Рук: Скажи мне, Эмили, не чувствовала ли ты какого-нибудь физического недомогания? Головокружение, дезориентацию, спазмы в животе, признаки, как будто предупреждающие, что должны начаться месячные? Испытывала ли ты когда-нибудь во время менструации свое-

¹⁹ Красный цвет в кельтской мифологии символизирует связь с потусторонним миром, и сиды в некоторых преданиях носят красные плащи.

образные перемены настроения и самочувствия? Например, случалось ли тебе ощущать грусть и депрессию, которые потом без всякой видимой причины переходили в жизнерадостность и приподнятое настроение? Когда ты осознаешь присутствие фейри, испытываешь ли ты... как бы сформулировать... чувственное, сексуальное возбуждение?

Э. Г. Десмонд: Я требую, чтобы это немедленно прекратилось! Я больше не потерплю унижения и похотливых намеков! Нет, не потерплю. Моя дочь – не актриса в балагане, не цирковой уродец, на которого можно пялиться ради праздного развлечения! Хватит этого дешевого и безвкусного вуайеризма, маскирующегося под науку и ученость! Боже милостивый, мы стоим на пороге новой эры – эры общения с умами, несоизмеримо превосходящими человеческий, – и в собственном доме я вынужден терпеть оккультную, суеверную ерунду, а моя дочь стала объектом пошлых фантазий пресыщенных эстетов! Вам не запятнать, не испоганить ее девичью честь этим ликующим вторжением в самые интимные дела! Всего хорошего, джентльмены. Желаю, чтобы вы все удалились. Соболаговолите откланяться немедленно. Миссис О'Кэролан, будьте так добры, принесите гостям пальто. Кэролайн, с тобой мы немедленно поговорим в библиотеке.

Клуб «Бо Инглиш», Нассау-стрит, Дублин

– Что ж, вижу, в газетах об этом уже написали.

– Да, сегодня утром было в «Айриш таймс». Целая колонка на первой полосе, автор – лорд Гарри.

– Вы, конечно, знаете, как называют случившееся?

– «Дефолт Десмонда»?

– Такой вариант не слышал. Хм, а неплохо звучит. Весьма неплохо. Очень забавно. Где вы его вычитали?

– В «Индепендент айришмен».

– Фенианская газетенка. Никогда ее не читал. Впрочем, «Дефолт Десмонда» – это славно. Еще бренди?

– С удовольствием. Вы очень любезны. Знаете, я крайне удивлюсь, если английские газеты не подхватят эту историю. «Эксцентричный ирландский астроном пытается установить связь со звездным народом». Англичане любят такие вещи. Новость может распространиться по всему миру за неделю.

– Боже упаси. Хотя только подумайте об этом: растяпа Десмонд со своим восемнадцатидюймовым телескопом на первой полосе «Ле суар» или «Нью-Йорк таймс». «Дефолт Десмонда: Разоблачение».

– Не понимаю, как старина Морис вообще позволил втянуть себя в это.

– Я и сам был о нем лучшего мнения. Признайтесь, Чарли, у него всегда была репутация сторонника странных и причудливых идей. Как насчет лоббирования законопроекта о гомруле или о праве голоса для женщин? Странная рыбка в аристократическом пруду этот наш Морис Фицджеральд.

– По-моему, эта проблема связана с размножением. Ну, знаете, – как у кокер-спаниелей, инбридинг и все такое. Люди рождаются идиотами. В Палате лордов их полным-полно. Образованные идиоты в горностаевых мантиях. Неудивительно, что старина Морис лает на Луну, или на комету Белла, или еще на что-нибудь.

– Это его погубит.

– Несомненно. Знаете, сколько стоит штуковина из понтонов?

– Не стану гадать.

– Не стану портить вам ленч.

– И все же любопытно, как Десмонд вынудил стреляного воробья рискнуть состоянием семьи Клэрноррис ради такой нелепой затеи.

– Ах, он тот еще златоуст, этот доктор Эдвард Гаррет Десмонд. Способен заворожить кобру без всякой дудочки.

– Прелестную женщину из семьи Барри точно заворожил. Хорошо устроился – состояние Барри, сколоченное благодаря производству льняных тканей, ну и прочие прелести. Размахнулся во всю ширь наш Эдвард.

– Хе-хе. Она, конечно, красавица, эта Кэролайн Десмонд. К тому же изумительная поэтесса. Прочитал кое-что из ее публикаций в «Эйре Нуа» – спешу добавить, я не читаю такие издания на регулярной основе. «Кельтские сумерки»²⁰ ставят меня в тупик – какая-то мистическая муть, а вот ее произведения, с которыми я ознакомился, превосходны. Миссис Десмонд, несомненно, волшебница.

– Что ж, пресловутое красноречие доктора здорово подвело его во время той пародии на лекцию.

– А, это был О'Нил, верно? Он просто демон остроумия, этот О'Нил.

– И со странной решимостью оттачивал его на добром докторе Десмонде.

– Вот и славно, если вас интересует мое мнение. Я такой белиберды, как во время лекции Десмонда, в жизни не слышал. Внеземные цивилизации, звездные путешественники на кометах...

– Позор. Абсурд, тарабарщина и нелепица.

– Воистину! И все-таки я слышал, что он пригласил астрономов со всей Ирландии и из-за ее пределов присутствовать на включении этой штуки с понтонами.

– Поедете?

– Рыбалка в это время года хороша. А вы?

– Ни за какие сокровища – ну, сами понимаете.

– И все же...

– Все же – что?

– А вдруг он прав?

– Ну полноте, вы же сами проверили расчеты и убедительнейшим образом доказали, что в его математических методах зияют такие дыры, что хоть проезжай на Баллибракском омнибусе.

– Чарли, мы с вами достаточно давно стали джентльменами науки, чтобы понимать: математическое доказательство либо опровержение такового частенько не говорят вообще ничего о том, существует ли феномен на самом деле. А вдруг, говорю я, несмотря на все ошибки, фантастические предположения, ошеломительные расходы, нелепый электрический сигнал – а вдруг в конце концов окажется, что он прав?

– Ну, вы и без меня знаете, какие будут последствия...

– Те крупницы доверия, которые Королевскому ирландскому астрономическому обществу удалось сохранить после фиаско с Дефолтом Десмонда, превратятся в труху. А мы станем посмешищем.

– Как минимум.

– Поразмыслите об этом как следует. Если ему не удастся завершить эксперимент, никто не узнает, был ли он прав или ошибался. Справедливо?

– Намеряете на то, о чем я думаю?

– Если речь о чем-то безыскусном, вроде небольшого, но продуманного саботажа руками местных гордых фениев, то нет, мне такое даже в голову не пришло. Господи, вот еще. Я даже не намекаю на изнурительное и неприятное судебное разбирательство в связи с нарушениями

²⁰ *Кельтские сумерки*, или *Кельтское возрождение*, – эстетическое движение XIX–XX веков, основанное на интересе к кельтской культуре и ее популяризации.

трудового законодательства. Нет, небольшой экономический козырь избавит нас от необходимости заниматься грязной работой. В ресурсах мистер Десмонд, скажем так, ограничен?

– Близок локоть, да не укусишь.

– В яблочко. Подумалось, что прошло чертовски много времени с тех пор, как вы в последний раз приглашали этого славного малого, маркиза Клэрнорриса, в Темпл-Кул на выходные, поохотиться на дичь. Если подумать, я не прочь и сам поучаствовать, пока вы не начнете палить во все стороны...

2 августа 1913 года

Клэркорт

Баллисадэр

графство Слайго

Дорогой доктор Десмонд,

я искал все возможные альтернативы этому письму, откладывая его до последнего момента в надежде, что в нем не будет необходимости, но ситуация сложилась таким образом, что у меня не осталось другого выбора. Пожалуйста, приготовьтесь к получению самых дурных новостей.

С величайшим прискорбием сообщаю, что больше не могу позволить себе участвовать в «Проекте Фарос» или быть связанным с ним. Я также сожалею, что не имею возможности предоставить никакого дополнительного финансирования для завершения стеллаграфа или любого другого аспекта проекта, и должен настаивать, чтобы мое имя было удалено из всех документов, счетов, сообщений, бумаг и т. д., связанных с ним.

Глубоко сожалею об очевидном крушении всех ваших радужных надежд. Я перед вами в моральном долгу и, по крайней мере, объясню, что мною двигало.

Поверьте, доктор Десмонд, этот курс действий выбран мною не из-за недостатка веры в ваш эксперимент или гипотезу – я по-прежнему твердо убежден, что объект, называемый кометой Белла, действительно является транспортным средством из далекой звездной системы. Однако события в вашем ближайшем окружении, над которыми вы, к сожалению, никоим образом не властны, сделали наше дальнейшее общение окончательно невозможным для меня.

Имеются в виду, конечно, недавние перипетии, связанные с мистером У. Б. Йейтсом, знаменитым поэтом; неким мистером Ганнибалом Руком, так называемым исследователем сверхъестественного; Констанс Бут-Кеннеди; вашей супругой и дочерью и с тем, что популярная пресса окрестила «крагдаррским казусом». Я полностью понимаю, что так называемые фотографии фейри и предполагаемые встречи с потусторонним миром столь же оскорбительны и смущают вас, как и меня; однако, пожалуйста, учтите (глубоко уверен, вы никому об этом не расскажете), что я уже нахожусь под значительным давлением со стороны коллег из-за поддержки «Проекта Фарос»; недавний инцидент способен нанести серьезный ущерб моей репутации и не позволить мне остаться заслуживающей доверия фигурой в борьбе за ирландский национализм в Палате лордов. На карту поставлены вопросы более серьезные, чем развитие науки и учености, – вопросы, имеющие непосредственное отношение к будущему нашей нации. Извините за прямоту: негоже лидеру лобби законопроекта об ирландском гомруле в Палате лордов (где, Боже милостивый, сторонников и так днем с огнем не сыщешь) общаться с людьми, верящими, что у них в саду водятся настоящие фейри!

Я надеялся, что время опустит завесу над «крагдаррским казусом», но произошло совершенно обратное – интерес общественности и прессы, и без того высокий из-за строительства стеллаграфа, был раздут до настоящего шквала сообщениями о фотографиях фейри, сделанных членом той же семьи. Нет; увы, в моем распоряжении остался лишь один образ действий,

и как бы ни был он мне противен, пришлось тем не менее его осуществить: я был вынужден отказаться от всякого участия и каких бы то ни было связей с «Проектом Фарос».

Искренне надеюсь, мой дорогой доктор Десмонд, что даже на столь поздней стадии вы изыщите средства (увы, мне неведомо, каким конкретным способом) для завершения проекта. Конечно, в случае успеха это принесет Крагдарре более продолжительную славу, чем целый легион фейри.

Вновь искренне сожалею о ситуации, вынудившей меня пойти на подобный шаг. Если бы все могло быть иначе.

С уважением,
Морис Клэрноррис

3 августа 1913 года

Контора «Блессингтон и Уэйр»
коммерческие банковские услуги
Меррион-роуд, 119. Дублин
Уважаемый доктор Десмонд,

мы получили от вас письмо с просьбой о выдаче для завершения вашего проекта закладной на сумму 22 000 фунтов стерлингов под залог вашей собственности, Крагдарра-хауса.

Рады сообщить, что заявка удовлетворена: оговорена встреча между нашими представителями в Слайго, конторой «Муни, Тэлбот и О'Брайен, морское финансирование», и их поверенными, а также вами и вашими поверенными для официального оформления соглашения. Пожалуйста, позвоните нам, чтобы подтвердить дату и детали сделки: наш номер Дублин-3617.

В «Блессингтон и Уэйр» рады, что смогли помочь в завершении важного труда. Ждем вестей от вас в ближайшем будущем.

Искренне ваши,
Кай Э. Блессингтон
Уильям Уэйр (младший)

Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 4 августа 1913 года

Пьянящее ощущение, то самое, похожее на вкус прекрасного старого кларета, которое возникает, когда на самом краю пропасти поворачиваешь навстречу триумфу! Не стыдно признаться, что я впал в отчаяние, получив известие о выходе из проекта лорда Фицджеральда по надуманным мотивам. Громогласные заявления, включающие слова вроде «предательство» и «измена», боролись во мне с более благородными чувствами, подобающими члену сословия пэров, а в моей голове безостановочно крутилась мысль: «Это конец, Десмонд, – все превращается в пыль и золу».

Но теперь, после оформления закладной (благословенна муза, вдохновлявшая меня в наимрачнейшие часы) и расчета с самыми нетерпеливыми кредиторами, все изменилось. Как будто после долгой и унылой зимы наступила особенно прекрасная весна. Поразительно, как радикальны перемены от внесения нескольких фунтов стерлингов на счет в Первом фермерском банке Слайго! Работа возобновилась – сегодня на верфи была завершена последняя из 176 понтонных секций. Центральный крест уже монтируется в заливе Слайго. Поскольку моряк из меня никудышный, я наблюдал за происходящим с помощью телескопа с крыши старого офиса судоходной компании «Поллексфен», и весьма нескромная гордость овладела мною при виде единственного объекта, который – теоретически – можно заметить из космических глубин, в отличие от прочих результатов трудов человеческих. В дополнение к сборке понтонов был зафрахтован небольшой паровой буксир для прокладки электрического кабеля. Немыслимо великая (обычно я избегаю гиперболизировать, но на этот раз такой подбор слов кажется оправданным) задача, похоже, будет выполнена в срок, несмотря на апперкот, который нокаутировал бы человека, обладающего меньшей убежденностью, меньшим рвением, меньшей фанатичной решимостью, чем я. Мистер Майкл Барри ежедневно общается со мной по поводу подключения стеллаграфа к окружной электросети. Я получил ответы от значительного числа членов астрономического сообщества, как из Ирландии, так и из-за пределов наших берегов (хотя позволю небольшому разочарованию омрачить общую радость, ведь из приглашенных менее трети потрудились ответить положительно или отрицательно). Газетчики, чей интерес уже подогрет так называемым крагдаррским казусом, жаждут получить любую мелочь, достойную освещения в прессе, и я совершаю ежедневные поездки в Слайго, чтобы отчитываться о ходе работ перед скопищем писак и шелкоперов.

Короче говоря, кажется, все готово для моего триумфа во всех мыслимых сферах: астрономической, личной, финансовой, социальной, публичной. Только бы погода не подвела!

Дневник Эмили, 28 августа 1913 года

Иногда они далеко, иногда близко. Как два мира, наш и Потусторонний, вращаются друг в друге, так и мы то сближаемся, то отдаляемся. В течение многих дней они отсутствовали – в лесах не было ни историй, ни песен; море, камни и небо оставались безжизненными, утратили свой стихийный дух. Каждый раз, когда фейри уходят, я чувствую себя опустошенной. Я боюсь, что они никогда не вернуться, но, несмотря на все их легендарное непостоянство и легкомыслие, они сохранили веру в меня. И вот они опять проникли из Потустороннего мира, чтобы блуждать по Брайдстоунскому лесу. Я чувствую их; слышу, как зовут меня арфа, флейта и песни лета, зовут прочь, прочь, прочь из мира смертных, в мир мечты и нескончаемых танцев.

Но я, увы, не определилась. Есть часть меня, которая ничего так не желает, как раствориться в магии и первозданном свете, сбросить, словно уродливую одежду, все людские ограничения и взойти невестой к священному мегалиту. Но есть также часть меня, которая сомневается, цепляется за этот мир, боясь света за пределами теней. Есть часть меня с дьявольским голосом, шепчущим: «Но чего они хотят от тебя? Почему утруждают себя тем, чтобы прервать их бесконечные развлечения в лесах Потустороннего мира и совершить переход в этот мир? Почему они ищут тебя, Эмили Десмонд? Это волшебный народ, сиды, обитатели полых холмов – их мотивы так же непостижимы для людей, как смена времен года или морские приливы. С какой стати ты решила, что они не желают тебе зла? Можешь ли ты им доверять?»

И в самом деле. Этот вопрос таится в центре всех моих сомнений и страхов, как гнилое ядро лесного ореха. Могу ли я им доверять?

Разрываюсь между осторожностью и самозабвением, между недоверием и зовом рогов Эльфландии. Следует ли пойти к ним и позволить делать то, что они хотят? Должна ли я остаться и, возможно, с течением лет утратить даже память о потусторонней музыке? Сердце велит: «Иди», а разум предостерегает: «Останься».

В конце концов, я знаю, любопытство заставит меня выяснить, чего они хотят. И за ответом придется пойти к ним.

***Выдержки из заметок и комментариев Эдварда
Гаррета Десмонда к «Проекту Фарос» (черновик
статьи, предназначенной для Королевского
Ирландского астрономического общества)***

...8 августа, 00:15: межзвездный объект перестал производить взрывы, поскольку сбавил скорость в достаточной мере, чтобы считаться пешеходом в масштабах Солнечной системы. Конечное собственное движение объекта составляло приблизительно пятнадцать миль в секунду.

Транспортное средство сохраняло курс и скорость на протяжении нескольких дней, предшествовавших перигею. 2 сентября условия наконец-то стали подходящими для начала эксперимента. В ту ночь небо было ясным, залив Слайго – необычайно спокойным, а внесолнечный корабль находился в двух днях пути от перигея, составляющего 156 000 миль. Сигнальное устройство было активировано в 21:25, и в течение двух часов передавался базовый коммуникационный код, то есть число π , выраженное рациональным приближением $22/7$. Последовательность транслировалась на протяжении двух часов с перерывами в два часа до рассвета, который по местному времени состоялся в 06:25 утра. Параллельно с работой стеллаграфа за космическим судном внимательно наблюдали через восемнадцатидюймовый телескоп-рефлектор Крагдарры. Никаких изменений в яркости не зафиксировано.

После наступления темноты на следующий день, 3 сентября, при содействии ясной и спокойной погоды, плавучий стеллаграф был вновь активирован и передавал рациональное приближение числа π в течение часа, а затем переключился на трансляцию математической константы e , в виде рационального приближения $19/7$. Как и прежде, передача длилась два часа и повторялась через каждые четыре часа. Как и прежде, за космическим объектом внимательно наблюдали через телескопы, принадлежащие приглашенным свидетелям (расположившимся в городе Слайго) и руководителю «Проекта Фарос».

В эти даты не наблюдалось никаких реакций со стороны межзвездного корабля.

На третью ночь эксперимента, 4 сентября, была предпринята еще одна попытка установить связь.

Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 4 сентября 1913 года

Я предвкушал минувшую ночь с трепетом, приличествующим ребенку накануне Рождества. С трудом дождался наступления темноты и начала попыток выйти на связь с альтаирцами. Отсутствие успеха на тот момент ни в коей мере не обескураживало меня – как истинному джентльмену науки, мне очевидно, что триумф не всегда случается без промедлений. Однако я был уверен – именно сегодня удастся прорваться сквозь неприступную стену космического молчания.

В условленный час мистер Майкл Барри, находясь в здании портовой администрации, включил плавающий стеллаграф, передающий мой приветственный сигнал. Из купола обсерватории я видел крест из понтонов, пересекающий весь залив Слайго, вспышками передающий звездным путешественникам наше гордое послание, выражение воли и интеллекта.

И тогда случилось первое из ночных бедствий. В 22:23 обсерватория погрузилась в непроглядную тьму. Будучи уже привычным к перебоям в электроснабжении, я зажег масляные лампы, подготовленные именно на такой случай. Затем из главного дома примчалась миссис О'Кэролан, ужасно суетясь и волнуясь, размахивая руками и бормоча, что по телефону сообщили, что в Россес-Пойнт тоже пропало электричество. Встревоженный, я оставил телескоп и подошел к окну как раз вовремя, чтобы увидеть, как гаснут огни моего прекрасного плавающего стеллаграфа. Так же внезапно исчезло сияние города Слайго – погасло, как свеча, которую задул некто огромный и незримый. Как я позже прочитал на страницах «Айриш таймс», без электроснабжения осталась территория от Донегола до Эннискиллена и Баллины, и продолжилось это четыре часа. А в самый момент происшествия я, будучи невежественным, сильно испугался, что именно попытка подать сигнал навлекла на Землю какую-то ужасную гибель из звездных далей.

Затем произошло второе странное событие. Звездолет, за которым я наблюдал через телескоп, внезапно вспыхнул и стал достаточно ярким, чтобы его можно было увидеть даже невооруженным глазом. Объект продолжал испускать вспышки яркого света один раз в минуту до 00:16, когда полыхнуло так, что я на миг ослеп (позже очевидцы рассказывали, как побелело все небо). Лишь только мое зрение в должной мере прояснилось, я прильнул к окуляру телескопа, но не смог отыскать звездный корабль! Он исчез без следа, как будто его никогда не существовало. Такой подвиг притупления не повторил бы ни один фокусник, способный развоплотить свою ассистентку на дублинской сцене на глазах у зрителей, а ведь космический вакуум – это даже не разреженный воздух, в нем и за молекулой не спрячешься.

Я лихорадочно осматривал небеса в поисках любых следов грандиозного звездного корабля – туманности или облака, которые могли бы возникнуть на месте взрыва. Ничего. Как будто комета Белла мне привиделась. Пока я размышлял о том, какой фатум мог настичь отважных звездных путешественников (и горько сожалел, что это приключилось до того, как я вступил с ними в контакт), Кэролайн ворвалась в обсерваторию с самой ужасной новостью той злополучной ночи: констебль обнаружил Эмили блуждающей в весьма истерзанном виде по Слайго-роуд.

Из отчета констебля Майкла О'Хары, полицейский участок Драмклиффа

В ночь, о которой идет речь, я ехал на велосипеде по Слайго-роуд в сторону Россес-Пойнт, где некоторые состоятельные домовладельцы выразили обеспокоенность в связи с внезапным отключением электричества. Примерно в половине двенадцатого, проезжая мимо того места, где к дороге выходит стена, разделяющая Брайдстоунский лес и поместье Маллабой, я услышал от ее подножия звук, похожий на плач. Осторожно продвигаясь вперед при свете велосипедного фонаря, я увидел съезжившуюся в канаве молодую леди в очевидно бедственном положении. Она была не только совершенно лишена одежды, что привело меня в некоторую растерянность, но и покрыта порезами и синяками, как будто бежала через шиповник и ежевику. Я не мог утешить молодую леди, так велико было ее горе, но ради приличия и ввиду прохлады убедил ее прикрыть наготу полицейской накидкой. Я принял решение отвезти девушку в резиденцию О'Бэннонов, Маллабой, что менее чем в четверти мили, поскольку оттуда можно было бы вызвать врача. Однако молодая леди не желала покидать обочину. Я попытался получить хоть какое-то представление об ужасном происшествии с ней, но не узнал даже ее имени. Я настаивал, и в перерывах между приступами рыданий она упомянула имя какого-то человека, возможно, иностранного происхождения – как я расслышал, его звали Лью. Что еще более важно, она говорила о принуждении, украденной девственности, изнасиловании и неверных любовниках. Очевидно, на несчастную молодую леди было совершено нападение непристойного свойства. Поэтому я счел крайне важным перевезти ее в безопасное место и вызвать необходимую помощь: доктора, блюстителей закона и священника. Любые попытки заставить ее сопровождать меня лишь усиливали страдания, но я наконец убедил молодую леди сесть на мой велосипед и с ней в качестве пассажира поехал в Маллабой-хаус, где миссис О'Бэннон узнала в пострадавшей мисс Эмили Десмонд из соседнего имения, Крагдарры. Пока я ездил за доктором Кэмпбеллом из Дромахо, миссис О'Бэннон позвонила миссис Десмонд, матери девушки, чтобы сообщить о бедственном положении ее дочери.

8 сентября 1913 года

«Объективный репортер из Слайго и Литрима»

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ОХОТА НА ТАИНСТВЕННОГО ЗЛОУМЫШЛЕННИКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Поиски таинственного лица, совершившего нападение на школьницу из Драмклиффа, мисс Эмили Десмонд, расширены, и теперь в них участвует полиция Бандорана и Дромахэра. После опроса окрестных жителей и выяснения их перемещений поздним вечером, 4 сентября, инспектор Патрик Горман из полиции Слайго, возглавляющий розыскные мероприятия, склонен считать, что загадочный злоумышленник не из этой местности. Хотя инспектор Горман не стал уточнять, насколько широко в итоге может быть раскинута сеть, нацеленная на поимку лица, совершившего нападение, он не исключил участия полицейских сил из таких отдаленных районов, как Голуэй и Атлон.

Мисс Десмонд, дочь известной персоны, доктора Эдварда Гаррета Десмонда из Крагдарра-хауса, подверглась максимально жестокому и подлому насилию в окрестностях местной достопримечательности – Брайдстоунского леса, что в приходе Драмклифф. Констебль, обнаруживший мисс Десмонд на дороге, описал нападение как «неистовое, совершенное безумцем или диким зверем». В настоящее время мисс Десмонд восстанавливается после перенесенного

испытания в клинике на Фицуильям-стрит под наблюдением доктора Хьюберта Орра, известного дублинского психолога.

Доктор Десмонд сегодня был недоступен для комментариев по поводу инцидента, и нам удалось узнать лишь то, что он полностью уверен в способности полиции приложить все мыслимые усилия для привлечения преступника к ответственности. Однако редакции газеты удалось узнать, что в преддверии происшествия в поместье Крагдарра наблюдалось несколько случаев нанесения увечий, в том числе смертельных, цыплятам и мелкому скоту.

Полиция рекомендует местным жительницам не путешествовать без сопровождения, особенно с наступлением темноты.

Выдержки из истории болезни, написанной доктором Хьюбертом Орром, клиника на Фицуильям-стрит, Дублин

Проведенный медицинский осмотр показал, что пациентка подверглась неоднократному и насильственному сексуальному проникновению; без сомнения, это случилось в означенную ночь при участии неизвестного лица (или лиц). Пока невозможно установить, произошло ли зачатие; пациентка слишком сильно потрясена, чтобы сообщить информацию о своих месячных. Я порекомендую оставить ее здесь, в клинике, до тех пор, пока не появится некоторая определенность. Если подозрения подтвердятся, она нескоро сумеет воспринять такую новость.

Изнасилование – особенно отвратительное преступление, надругательство над личностью как таковой. Физический ущерб может быть небольшим (хотя его и не следует сбрасывать со счетов) по сравнению с ранами, нанесенными разуму; может потребоваться много недель консультирования в благоприятной атмосфере, прежде чем девушка сумеет вернуться домой, и еще больше времени, чтобы она полностью исцелилась от последствий пережитого, если это вообще окажется возможным.

Вероятно, психологическая травма глубже, чем я думал. Мое первоначальное предположение заключалось в том, что молодость мисс Десмонд сочетается с природной жизнестойкостью; что она, как каучуковый мячик, быстро обретет привычную форму. Но, судя по всему, нежный возраст лишь подпитывает ее эмоциональную хрупкость и уязвимость. С самого прибытия она не произнесла ни слова. Пациентка безропотно переносит медицинские осмотры и лечебные мероприятия, которые проводим мы с медсестрой О'Брайен, однако в любых ситуациях хранит нерушимое молчание. То, что пациентка слышит и понимает мои вопросы, очевидно, но она категорически отказывается реагировать даже кивком или покачиванием головы. Она едва прикасается к пище и никогда не ест в присутствии персонала. Медсестра О'Брайен сообщает, что любимое занятие пациентки – сидеть у окна, глядя в никуда. Еще долго после наступления темноты ее можно найти в том же кресле, смотрящей на улицу. Я вовсе не сторонник сугубо теоретических умозаключений, но отсутствие конкретных ответов на аккуратные расспросы не оставляет иного выбора. Является ли ее отрешенность результатом самостоятельно вызванной избирательной амнезии, сокрытием боли от перенесенного насилия за множеством закрытых дверей; или это навязчивая идея – беспрестанное проигрывание событий той сентябрьской ночи, воспоминание, выжженное, как клеймо, так глубоко в ее сознании, что окрашивает каждую мысль, каждое чувство, каждый опыт от пережитого? Конечно, подобная реакция в любом случае вредна для здоровья, но, столкнувшись с каменной стеной молчания, я даже не понимаю, с чего начинать содействие.

Молчание наконец нарушено, однако лишь отчасти – сквозь трещины в каменной кладке струится свет, но стена по-прежнему стоит. Ключом, приоткрывшим дверь темницы, в которую она добровольно заточила сама себя, стала простая вещь – дневник. Сестра О'Брайен вошла в палату вчера утром и обнаружила мисс Десмонд сидящей в постели и в волнении заламывающей руки. Когда медсестра спросила, что случилось, мисс Десмонд ответила, что ей нужен ее дневник. Сестра О'Брайен сразу же вызвала меня, и мне повторили просьбу. Я сказал, что ее дневника у меня нет, и уточнил, хватит ли простой бумаги и ручки? Мисс Десмонд настаивала, что ей нужен дневник, ее собственный дневник, и она не примет никакой замены. К этому моменту она стала довольно настойчивой в своих требованиях, и я намеренно разжигал ее гнев и разочарование, чтобы не дать ей впасть в прежнее почти кататоническое состояние. В конце концов она согласилась довольствоваться ручкой и стопкой листов в обмен на обещание при первой же возможности получить требуемый дневник от ее матери.

Несколько томов этих дневников пришли с последней почтой сегодня вечером, и я вскоре изучу их в поисках подлинного ключа, который окончательно раскроет разум Эмили Десмонд.

В настоящее время пациентка отвечает на ряд простейших вопросов: «Вы голодны?», «Хотите пить?», «Хотите, чтобы окно открыли?» и так далее. Такие же, которые слишком близко касаются изнасилования, вызывают лишь упорное молчание. Ее чувствительность и ранимость феноменальны. Малейшая попытка направить разговор в «то самое» русло вынуждает ее замкнуться, погрузиться в угрюмое безмолвие. Тем не менее именно эти темы необходимо поднять и без обиняков обсудить, если мы хотим приблизиться к истинному психологическому исцелению.

Пассажиру Клэпхэмского омнибуса ²¹ могло бы показаться, что Эмили быстро выздоравливает: она каждый день пишет в своем дневнике, проявляет интерес к внешнему миру и ведет непринужденные беседы. Она беспокойна в помещении и высказала медсестре О'Брайен свое желание отправиться в магазин «Клерис», чтобы купить новый осенний наряд. В конце недели, если позволит погода, я могу разрешить короткие прогулки в садах клиники или по Фицуильям-сквер. Конечно, пока нынешние общественные волнения продолжают делать улицы и площади небезопасными для любого гражданина, никаких походов за покупками не будет. Если оставить в стороне текущие проблемы гражданского общества, я сомневаюсь, что выздоровление Эмили настолько полное, каким она его преподносит. В чертах ее лица, в ее жестах в моменты забывчивости ощущается некая... за неимением точного термина назовем это «свинцовостью». Ее поведение в целом бесцветно и однообразно. В речах сквозит все та же скрытая неприязнь. Хотя она больше не отказывается прямо отвечать на любой вопрос, касающийся той ночи, когда случилось изнасилование, ее ответы неохотны и зачастую уклончивы. Она отказывается воспринимать изнасилование как реальное событие, иногда относясь к нему так, как если бы оно произошло с кем-то другим, а иногда включая в тщательно продуманную фантазмагорию своей жизни как некий ужасающий сверхъестественный опыт, оторванный от повседневной реальности.

Итак, ныне моя роль – направлять и защищать: направлять от этой стадии отрицания прошлого через возможный последующий гнев и депрессию к принятию и возрождению; защищать от раскрытия событий настоящего, которые могут катастрофически замедлить прогресс. Первое из этих потенциально травмирующих событий – новость о неудаче, позоре и, несомненно, финансовом крахе ее отца в результате провала эксперимента по общению с предполагаемыми внеземными существами. Второе и, возможно, более разрушительное известие – подтверждение ее беременности. Вторую новость нельзя долго скрывать: девушка молода, но отнюдь не наивна. Можно только надеяться подвести ее к принятию быстрее, чем она сама обо всем догадается.

Неизменный атрибут психологической науки – некий уникальный набор символов, златой ключ ²², которым можно открыть разум пациента и развернуть перед исследователем, словно древнюю карту далекой страны. В конце концов, опираясь на заметки, сделанные во время чтения дневника Эмили, я почувствовал, что близок к обретению искомого. Подавленная сексуальность – вот в чем секрет. О монашеском режиме сестер-наставниц в Школе Креста и Страстей хорошо свидетельствует как дневник, так и личные беседы с Эмили. Несомненно, подростковая увлеченность запретными сексуальными играми, неизбежная в заведениях такого рода, в сочетании с вниманием молодого мистера О'Бирна (как откровенна Эмили в своих дневниках! ничего не утаила, ничего не скрала!), несомненно, загнали ее

²¹ *Пассажир Клэпхэмского (или Клапемского) омнибуса* (англ. Man On The Clapham Omnibus) – викторианский судебный термин, обозначающий эталонного заурядного гражданина. С гипотетическим поведением «пассажира» в определенной ситуации судьи сравнивали реальное поведение фигуранта того или иного дела с целью установить, можно ли считать последнего здравомыслящим человеком.

²² Отсылка к пьесе Джона Мильтона «Комос» (1634).

потребность в сексуальном самовыражении глубоко в подсознание и запечатали там под слоями угрызений совести. Подобные вулканические силы не так-то легко обуздать: плотские желания, потребность убежать от того, что она воспринимает как социальные оковы, нашли выражение в создании воображаемого Потустороннего мира, места без ограничений и правил приличия, какими мы их знаем. Этот Потусторонний мир – страна, созданная в мельчайших подробностях, для которых она подыскивала изощренные обоснования, – представляет собой средоточие символов и аллегорий, где ее потребность в сексуальном, чувственном, эмоциональном и художественном самовыражении может быть удовлетворена без страха порицания, без вины. Многие из королей, воинов, гоблинов, фейри, поэтов, арфистов и даже любовников, которыми она его населила, являются гротескными версиями мифологических исследований ее матери, работ У. Б. Йейтса, местного фольклора в исполнении экономки, миссис О'Кэролан и результатом собственных «литературных» экзерсисов пациентки. Это идеальная созревшая почва, в которой можно посеять семена сексуальной неудовлетворенности и угрызений совести, приносящие плоды в виде символов и знаков, наделенных интимной и зловещей важностью.

Исходя из этого, будет ли верным предположение, что события, случившиеся поздним вечером 4 сентября, вероятно, в строго юридическом смысле слова не являлись изнасилованием; что Эмили, может статься, осознанно отправилась на поиски партнера, «фейри-возлюбленного», но приобрела опыт, оказавшийся столь неприятным, и теперь она может лишь отвергать и отрицать его?

В любой гипотезе также необходимо учитывать роль отца. Своего Эмили явно боготворила в раннем возрасте, но в период последних крагдаррских событий стала враждебно относиться как к нему, так и к его работе. То, что изнасилование состоялось в ночь, когда ее отец так надеялся оправдать «Проект Фарос», не может быть малозначимой деталью. Реакция Эмили на ее пятнадцатилетие в этом аспекте имеет первостепенную важность. Опять же, из дневников очевидно, что она считала себя женщиной в полном смысле этого слова. Отец же (не исключено, в связи с собственными соображениями и мотивами) видел в ней всего лишь ребенка, маленькую девочку – сексуально и эмоционально незрелую, крайне зависимую. Конечно, ее уход в воображаемый Потусторонний мир исковерканной мифологии и суеверий можно рассматривать как ответ, вызов отцу и его строгому, рациональному, научному мировоззрению. К сожалению, даже на позднем этапе дневниковые записи намекают на то, что Эмили отчаянно стремилась получить одобрение отца, одновременно подрывая будущее, которое он ей уготовил, и наказывая за гипотетическую неудачу в роли отца. То, что она в итоге преуспела, – краеугольный камень всей случившейся трагедии.

Однако вынужден признать, фотографии волшебного народца я объяснить не в силах.

12 сентября 1913 года

Крагдарра
Драмклифф
графство Слайго
Многоуважаемая мать-настоятельница!

Этим коротким письмом уведомляю вас, что Эмили не вернется в Школу Креста и Страстей. Увы, здоровье бедной девочки серьезно разладилось, и после короткого пребывания в знаменитой клинике доктора Хьюберта Орра на Фицуильям-стрит она вскоре приедет домой в Крагдарру с надеждой выздороветь окончательно. Боюсь, пройдет много месяцев, прежде чем силы Эмили полностью восстановятся. Однако ее образование не пострадает – мы найдем гувернантку, которая продолжит обучать ее согласно методикам, наилучшим образом соответствующим нынешней ситуации. Позвольте воспользоваться этой возможностью, чтобы побла-

годарить вас, мать-настоятельница, за то, что вы сделали в прошлом для моей дочери: образование воистину является бесценным сокровищем в современном мире, и я знаю, что частный преподаватель, которого мы наймем для Эмили, будет основываться на прочном фундаменте, заложенном в Школе Креста и Страстей. На прощание хочу попросить вас помолиться за полное выздоровление Эмили. Все мои мысли и молитвы неизменно о моей несчастной дочери.

С уважением,

Кэролайн Десмонд

24 сентября 1913 года

Протокол заседания

ежегодного общего собрания

Королевского Ирландского астрономического общества

После того как протокол предыдущего заседания был зачитан, принят присутствующими и подписан господином председателем, собрание перешло к первому пункту сегодняшней повестки дня: предложению коллеги из Темпл-Кул об исключении коллеги из Драмклиффа из Общества.

Согласно заявлению выдвинувшего предложение, деятельность коллеги из Драмклиффа испортила репутацию Общества на национальном и международном уровне. Представитель Темпл-Кул также выразил сожаление по поводу того факта, что обсуждаемая персона вопиющим образом занимается саморекламой и заигрыванием с прессой, а также напропалую злоупотребляет привилегиями члена Королевского Ирландского астрономического общества. Оратор заключил, что для частичного восстановления авторитета после фиаско в Слайго Обществу не остается ничего другого, кроме как немедленно отмежеваться от обсуждаемой персоны и его деятельности.

В поддержку ходатайства выступил коллега из Ааваннона. По его словам, работа коллеги из Драмклиффа не соответствовала высоким требованиям математической и научной точности, предъявляемым к членам Общества, а навязывание «Проекта Фарос» и распространение гипотез о природе кометы Белла нанесли непоправимый ущерб не только клубу единомышленников, распахнувшему обсуждаемой персоне братские объятия астрономических масштабов, но и научному методу как таковому, вследствие чего во имя защиты, как выразился оратор, «храма науки» представителя Драмклиффа необходимо исключить.

Далее г-н председатель объявил предложение открытым для дискуссий.

Представитель Королевского университета согласился с коллегой из Ааваннона в том, что астрономия как наука была опозорена, и предложил подвергнуть порицанию также бывшего секретаря Общества, коллегу из Дансинка, который изначально подтолкнул коллегу из Драмклиффа представить свои теории в лекционном зале Общества.

Коллега из Дерринейна заявил, что любому, кто открыто свяжет себя с «медиумами, охотниками за привидениями, адептами столоверчения, глотателями эктоплазмы и другими подобными шарлатанами», не место в Королевском ирландском астрономическом обществе.

Коллега из Эламора, напомнив собравшимся, что сам он пытался непредвзято относиться к вопросу об истинной сущности кометы Белла, выразил сожаление по поводу того, что коллега из Драмклиффа вел себя «как собака на сене»: беззастенчиво пользуясь именем и интеллектуальным статусом Общества, не намеревался делиться с собратьями какой-либо гипотетической славой.

По сообщению коллеги из Слейна, Ирландский регбийный союз предложил коллеге из Драмклиффа забрать прожекторы с его понтонов, вследствие чего последний должен быть весьма рад, ведь будущие поколения поблагодарят его за прекрасное освещение регбийных матчей на стадионе «Лэнсдаун Роуд».

Больше никто высказаться не пожелал, и председатель перешел к голосованию. Процедура признана состоявшейся. Предложение об исключении принято 125 голосами против 7.

Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 3 октября 1913 года

Вчера вечером отправился в Лиссаделл прогуляться по пляжу – впервые за несколько недель после катастрофы почувствовав себя готовым снова увидеть стеллаграф. Рассеиваются ли это наконец мрачные миазмы и испарения; или – боюсь, так оно и есть – я привыкаю ко тьме внутри и снаружи, начинаю считать ее уютной? Он все еще там, дрейфует. Глядя на стеллаграф с берега, я ощутил колоссальное неверие в то, что эта удивительная машина на самом деле существует и что я с ней как-то связан – не говоря уже о том, что я и есть творец, создавший ее в порыве вдохновения. Такое чувство, что я галлюцинировал долгие месяцы, а теперь наконец-то пришел в себя, очутившись в мире сером и неблагоприятном. Неужели я действительно ошибся, истолковывая феномен исключительно природного происхождения? Неужели в мои расчеты изначально вкралась роковая ошибка?

Зловещие предчувствия омрачают горизонт. Разумеется, в ближайшее время следует ждать письма от «Блессингтон и Уэйр». Я по-прежнему питаю (все более тщетные) надежды, что за фрагменты конструкции удастся выручить достаточно, чтобы не пришлось продавать Крагдарру. Но сильнее, чем необходимость вернуть долг «Блессингтон и Уэйр», страшит личное возмездие Кэролайн. Она меня не пощадит. Увы, на протяжении последних лет мы слишком отделились друг от друга. Когда-то я верил, что она останется со мной. Теперь не могу не представлять, как жена с завыванием присоединится к псам, лижущим кровь из ран Ахава. Лишь она одна может меня спасти: денег семьи Барри хватило бы на десять Крагдарр. Но я опасаясь, что даже в столь чрезвычайных обстоятельствах ее дядя не смягчится, если она вообще захочет его об этом просить.

А Эмили? Никто из нас никогда не узнает истинных обстоятельств произошедшего гнусного насилия, но я осознаю, что отчасти сам несу ответственность за случившееся. В каком-то смысле я наказан за свои грехи, за свои изъяны, за умышленное пренебрежение обязанностями отца по отношению к дочери. Я не был ей достойным родителем, и последствия ужасны. И теперь из-за все того же высокомерия и эгоцентризма под угрозой сама Крагдарра. Пепел; пепел и зола; вот и все, во что обратились для меня последние пять лет.

– Привет? Мэри? Это ты? Это я. Привет, Мэри. Я слышу тебя ясно, как церковный колокол, а ты меня слышишь? Да, в целом денек чудесный. Нет, никакой спешки, их обоих еще пару часов дома не будет. У меня все в порядке. Ты-то как? О, жаль это слышать. Вода из святого источника в Гортахерке. Пять капель и столько домашней пыли, сколько поместилось бы на флорине. Хорошенько вотри пасту в пораженный участок. Столько раз, Мэри, сколько понадобится. Воды Гортахерка обладают чудодейственной силой. Да-да, пять капель. Столько, сколько поместится на флорине.

Как идут дела? Ну, Мэри, не слишком уж хорошо. Совсем не хорошо. Ох, не мое это дело – сплетничать о тех, кто стоит выше, но, в общем, все хуже некуда. Да уж, хуже некуда, и в некотором смысле, полагаю, я во всем виновата. Да, Мэри, конечно, я расскажу. Все началось сегодня утром, когда я забрала почту у почтальона, мистера Коннера – он такой милый джентльмен. В последнее время хозяин очень настаивал, чтобы я отделяла все его письма от писем госпожи Кэролайн и доставляла прямо ему в кабинет. Ну, я не знаю, как так вышло, должно быть, это спряталось за другим более толстым письмом, адресованным госпоже Кэролайн, – все, что могу предположить, но в любом случае я была там, убирала посуду после завтрака, а она открывала свою почту индийским ножиком из слоновой кости – никогда не видела женщин, которые получали бы столько же писем, сколько хозяйка, – и вдруг я слышу, как нож для вскрытия писем падает на стол, оборачиваясь, а она держит это самое письмо с таким видом, будто узнала, что ее должны вздернуть; белее, чем реклама прачечной

«Лиллипут», вот такая она была. Сидела так целых две минуты, словно сама была сделана из индийской слоновой кости, а потом вдруг издала ужасный визг: «Эдвард!» – так хозяина зовут, ты знаешь, – и вскочила, выбежала из комнаты с таким выражением лица, которое мне бы не хотелось снова увидеть до самого Судного дня. Что ж, Мэри, сама понимаешь, если что-то тревожит хозяина и хозяйку, Мэйр О'Кэролан должна узнать, что именно. Я лишь краешком глаза заглянула, но этого хватило, Мэри! Думала, в меня попала молния и превратила в каменного истукана. Мэри, письмо было от банкиров из Дублина, в нем говорилось, что если доктор Эдвард Гаррет Десмонд не заплатит им – слушай внимательно, Мэри, – сумму в двадцать две тысячи фунтов к концу декабря, они отнимут у него дом и поместье. Ты понимаешь, Мэри, этот глупец взял и заложил имущество, которым владели десять поколений Десмондов, чтобы рассчитаться за чудилище в заливе!

Ссора? О, и еще какая. Мэри, к тому времени, когда они закончили, я уже думала, что буду выметать осколки делфтского фарфора и вытирать с обоев кровь и волосы до самого Михайлова дня. Ах, Мэри, я стараюсь не высовываться на линию огня, но атмосфера в доме, как бы так выразиться... накаляется. Миллионы Барри? Хочешь сказать, ты не в курсе, в чем тут загвоздка? Я тебе скажу, сколько у миссис Кэролайн Десмонд за душой. Ни гроша. Ни единого медного фартинга. После смерти ее отца согласно завещанию контроль над льняной фабрикой перешел к его брату, а деньги всех наследников – под доверительное управление, в акциях, долях, облигациях и прочих штуках, которые вроде бы деньги, но не приносят никакой реальной пользы. Чтобы воспользоваться хотя бы долей своего наследства, хозяйка должна получить подпись дяди, а этот старый мерзавец-пресвитерианин ее не даст. Почему? Да потому что она вышла за католика. Старый злоязыкий оранжист не хочет с ней разговаривать, он даже не останется с нею в одной комнате, так что хозяин может помахать ручкой миллионам Барри, которые могли бы спасти его от кредиторов.

Что теперь будет? Что ж, одно можно сказать наверняка: мисс Эмили очень не вовремя возвращается домой. О да, в среду, пятичасовым поездом. Да, ужасно. Бедное дитя, ты же знаешь, я всегда боялась за нее. Всегда боялась, что с такими родителями ей причинят какой-нибудь вред. Я молилась за нее каждую ночь. Даже отправилась на торжественную новену к Пресвятой Богородице, чтобы попросить о защите. Ну, Мэри, не говори таких вещей. Считаешь себя мудрее Господа? Нет? Тогда держи свое языческое мнение при себе. Я знаю, что Бог всегда отвечает на молитву. Тем не менее сейчас не время возвращаться домой, будучи в положении и все такое. Разве ты не слышала? Этот... это животное... Ох, бедное дитя, она от него понесла. В ее-то возрасте. Действительно, дурные времена настали. Только посмотри, до чего страну довели – безбожники-социалисты беснуются в Дублине, еретики-юнионисты бесчинствуют в Ольстере. Таким, как ты и я, остается лишь жалеть те бедные души, у которых нет веры, дающей им моральное руководство и силу.

Дом? Что ж, если не произойдет чуда – а я надеюсь, я все еще молюсь, Мэри, – все это продадут. Дом, угодья – все. Что ж, Мэри, я уверена, что, кто бы ни пришел после, домработница им все равно понадобится, но тем не менее не повредит быть на чеку, если ты понимаешь, к чему я клоню.

Знаешь мое мнение? Это проклятие. Да, верю. Кто-то или что-то желает горя и несчастья этому дому. С начала года удача не облагодетельствовала эти стены даже на минутку. Невезение – иногда его можно ощутить, Мэри. Да ведь это почти как физическое присутствие. Оно давит на тебя, словно густые миазмы. Нет, я совершенно серьезно; в этом доме царит тяжелая, мрачная атмосфера. Ее все гости замечают. Хотя я бы не сказала, что теперь к нам часто приезжают именно в гости.

Ой, надо же! Мэри, мне пора... Слышу машину хозяина на гравийной дорожке. Не думала, что он вернется так быстро. Нельзя, чтобы он в таком настроении застукал меня

за разговором по телефону. Да, конечно, как только выпадет свободный денек. И тебе всего хорошего, Мэри.

Дневник Эмили, 12 октября 1913 года

Я была рада, очень рада покинуть клинику на Фицуильям-сквер, потому что атмосфера в Дублине стала гнетущей и злобещей. Куда ни помотришь, группы людей выбирают имена и оружие, а также знамена, под которыми можно маршировать: Ирландские добровольцы, Ирландская гражданская армия, Фианна, Куманн на-Ман, Шинн Фейн, и куда же без уволенных рабочих²³. Улицы взбешены, даже погода не в духе. Как далека эта недужная осень от нетерпеливых ласточек Крагдарры и от леса, наполненного голосами грачей. Меня все сильнее тянуло обратно. По утрам садовники подметали дорожки в сквере и поджигали кучки листьев, и аромата хватало, чтобы мгновенно перенестись мыслями домой! Прогулочные трости из терна²⁴ ждут своего часа в подставке у входа; из кухни доносится запах уксуса и специй для маринада, а еще – аромат пирогов в духовке и печеных яблок с гвоздикой; особый золотистый свет струится в тех частях дома, куда он почему-то не проникает в другое время года; в изножье кровати источает тепло глиняная грелка, и черепица погромыхивает от равноденственной бури.

Беда романтического воображения в том, что оно чревато постоянными разочарованиями: реальность никогда не соответствует представлениям о ней. В реальности всегда есть темные местечки, куда свет не добирается, есть отслоившиеся возле плинтуса обои, трещина на плитке с изображением тюльпана и пустующая тумба в холле, на которой должен стоять херувим.

Я написала, что с радостью покинула Дублин; я не утверждала, что была рада вернуться домой.

Они даже не встретили меня. Отправили за своей единственной дочерью служанку, миссис О'Кэролан, в двуколке, которой управлял Пэдди-Джо. О да, было приятно снова увидеть миссис О'К и Пэдди-Джо и ощутить их неподдельную радость от встречи со мной – миссис О'К с трудом произнесла пару слов, зато носовых платков потратила на целую неделю вперед.

С первого взгляда на знакомый фасад с колоннами я почувствовала неладное. Крагдарра изменилась. Это было нечто большее, чем неизбежное крушение романтического идеализма; я ощутила перемены в самом духе особняка. Осенний свет больше не проникал в труднодоступные места; тени победили. О, мама и папа встретили меня на крыльце вполне ласково. Мама плакала, а папа хмыкал и фыркал в бороду, хотя всем было ясно, что он и сам вот-вот расплачется, при этом, однако, они вели себя натянуто, сдержанно, в особенности по отношению ко мне, словно я была гостьей в доме, полном секретов. Лучше всего могу описать это как притаившуюся в глазах тьму – некую озабоченность тайной, чье сокрытие поглощало всю их жизненную силу.

А в самой Крагдарре трости из терна стояли в подставке у входа, яблочно-корично-ежевичный аромат пирогов миссис О'Кэролан просачивался из кухни во все уголки и закутки, октябрьское солнце, проникая сквозь световой фонарь, рисовало лучами на лестнице розу, но во всем этом ощущалось нечто нездоровое. Дом утомился и начал гнить, как будто осень поселилась в нем и наполнила комнаты безмятежным умиранием.

За ужином миссис О'К превзошла саму себя; все блюда – мои любимые, и я думаю, что ей доставляло больше удовольствия их подавать, чем мне – поглощать, но, несмотря на все ее усилия, вместо радостного события получилось нечто напряженное, натянутое, утомительное.

²³ Речь идет о периоде общественных волнений, известном под названием «Дублинский локаут» (26 августа 1913 г. – 18 января 1914 г.).

²⁴ Трость из терна или шилейла, изначально предназначенная для самозащиты, – элемент ирландской культуры, вошедший в число самых известных визуальных символов Ирландии.

Всякий раз, когда мама и папа спрашивали меня о клинике, докторе Орре и происходящем в Дублине, было очевидно, что ответы их не интересуют – родители просто старались вести себя вежливо. Когда я спрашивала о том, как дела дома, они отделялись короткими фразами, продуманными и взвешенными до последнего слова. Стоило мне заметить, что разговор кажется немного отстраненным, как мама парировала: мол, со мной случилось столько всего, столько обидных и ужасных вещей за короткий промежуток времени, что я как будто превратилась в новую Эмили; все известное о прежней Эмили не годится относительно женщины в моем, кхе-кхе, положении.

Я ответила, что новая Эмили – это прежняя Эмили; если сравнить меня с тем, что произрастает в саду, я скорее зеленая ветка на старом дереве, чем какой-то совершенно незнакомый куст. Тогда папа откашлялся, как обычно, когда собирается сказать что-то, чего не хочет говорить, и заявил, что им нужно ко многому привыкнуть заново. Мои собственные мать и отец, сидя за нашим общим столом, обращались со мной как с чужачкой.

Я спросила, к чему привыкнуть, и вдруг поняла. Они стыдились. Стыдились меня! Я стала для них абсолютным позором. К этому времени новость распространилась по всему графству – видели ее, эту Эмили Десмонд? Беременна и даже не имеет представления об отце ребенка, не говоря уже о браке. Бесстыдство, какое бесстыдство. Кем надо быть, чтобы позволить такому случиться со своей дочерью? Ну что они за родители?

Не важно, что дитя мне навязали; не важно, что меня взяли против моей воли, изнасиловали. Почему они боялись произнести это слово? У них сложилась довольно простая картина: вот доктор Эдвард Гаррет Десмонд, некогда уважаемый астроном, с одной стороны, вот миссис Кэролайн Десмонд, известная поэтесса и специалист по кельтам – с другой, и между этой парой колышется здоровенное пузо.

Я уставилась на родителей и поняла, что выражение озабоченности на их лицах притворное. Внезапно я сильно их возненавидела, пожелала сдохнуть и провалиться в ад, не сходя с места. Что-то прокричала – не помню слов, – разбросала тарелки, ножи, вилки, соусницы и плоды трудов миссис О'Кэролан и бросилась к себе.

До сих пор вижу их бледные лица и вытаращенные глаза. В своей комнате я ходила из угла в угол, как зверь в клетке. Я хотела злиться, мне нравилось злиться, я продолжала злиться, потому что желала продемонстрировать им, сколько во мне скопилось злобы. Я нашла, куда ее направить: на дурацкие неодушевленные вещи, у которых вдруг прорезалась упрямая воля и разум, – моя левая туфля заупрямилась, когда я попыталась ее скинуть, поэтому я тянула, тянула и тянула, пока шнурки не порвались, затем швырнула ее в стену и сбила на пол светильник. Подняла его и снова бросила. Если этой штуке суждено упасть, то момент и место выберу я сама – и от удара об пол светильник раскололся надвое.

Мне не спалось. Голова разрывалась от боли в верхней части шеи, которая возникает, когда ты чересчур зол и не способен выразить свою злость. Проходили часы. Понимая, что, по всей вероятности, не засну до рассвета, я решила что-нибудь почитать. Не знаю, что заставило меня выбрать «Сельский справочник диких цветов Британии и Ирландии». Теплые деньки и полевые цветы давно канули в Лету, а ботаника никогда не была моей сильной стороной, и все же я чувствовала, что обязана взять эту книгу. Прислонившись к подушке, я открыла томик в том месте, которое выбрал он сам, и что-то выскользнуло на покрывало – что-то тонкое, озаренное луной и невесомое, как вздох.

Пара крыльев фейри.

Я аккуратно взяла их двумя пальцами, положила на ладонь и долго разглядывала. Потом сжала кулак и превратила находку в пыль.

Утром я поняла, что не хочу видеть родителей. Принесут или потребуют извинений, это лишь вновь меня разозлит. Под предлогом утренней тошноты я позвонила и попросила миссис

О'Кэролан принести завтрак в комнату, что экономка и сделала. По крайней мере один друг у меня в Крагдарре остался.

Я пошла в ванную, чтобы умыться, и внезапно испытала откровение: увидела в совершенно новом свете вещь, презренную в своей обыденности. В конце лестничной площадки, у гладильного пресса, имелась дверка, ведущая на старую лестницу, к комнатам прислуги на чердаке. На моей памяти дверца всегда была заперта; мама говорила, что половицы прохудились. Миссис О'Кэролан обитает в спальне-гостиной рядом с чуланом для картошки – и утверждает, что жар от кухонной плиты помогает от ревматизма. Комнаты под крышей пустовали с самого моего рождения. Этим утром дверь оказалась слегка приоткрытой, на волосок. Разве я могла не устроить экспедицию?

Какое сокровище было похоронено и забыто в комнатах для слуг! Первая была заполнена старыми потрескавшимися альбомами и рассыпающимися коробками с фотографиями: мягкие, размытые дагеротипы с изображением усатых джентльменов в кепках и шароварах, гордо стоящих рядом со своими новыми велосипедами; дам, которые в несомненно душный летний день каким-то образом выглядели аккуратными и элегантными в гофрированном шелке и тафте; опирающихся на посохи охотников в твидовых пиджаках и сапогах до колен, с размытыми пятнами у ног – гончие двигались слишком быстро, чтобы камера могла их запечатлеть; маленьких мальчиков в матросских костюмах, готовых разрыдаться; парней, небрежно засунувших руки в карманы, подпирающих загородки на скачках в Слайго. Семьи лудильщиков застенчиво позировали в дверях своих домов, угрюмые и, судя по виду, немытые; девочки в платьях для первого причастия скромно стояли перед Драмклиффским крестом. Экскурсии на лодках, теннисные партии, поездки на двухколесном экипаже по местным достопримечательностям, продуваемые всеми ветрами семейные пикники в дюнах Страндхилла, свадьбы, крещения, Пасха, Рождество – так много минувших дней, так много запечатленных, застывших мгновений. Я перебирала содержимое коробок: пыльные воспоминания оттенка сепии, похожие на засушенные в Библии цветы... а потом вдруг замерла. Фотограф запечатлел девочку лет тринадцати, стоящую у солнечных часов в утопленном саду. На их циферблате сидело... нечто. Я не могла толком разглядеть, оно явно шевельнулось в тот самый момент, когда фотограф сделал снимок, и отпечаток получился размытым, но очертания очень напоминали крошечного человечка, ростом не более фута. Подпись гласила: «Кэроли и Лесная нимфа. Сад времени, август 1881 года».

В следующей комнате блеклый свет, пробивающийся сквозь потолочное окно, отбрасывал странные, беспокойные тени на голые доски пола. Повсюду стояли сундуки, в некоторых местах штабелями до потолка. Оказалось, что они набиты старой одеждой.

Но какая там была одежда! В первом попавшемся сундуке обнаружили охотничьи шарфы из чистого шелка; белые лайковые перчатки, все еще в упаковке; пышные юбки с разрезом для езды в дамском седле; кнуты, хлысты, стеки и жокейские сапоги; красные охотничьи куртки и бриджи, обработанные кожаным маслом и задубевшие от слипшегося талька. В следующем не было ничего, кроме шляп на все мыслимые случаи жизни, от самых скромных до самых нелепых: черные невесомые траурные вуали из брюссельского кружева; конструкции, сочетающие райских птиц с фруктами и перьями для посещения скачек на ипподроме Фейрихаус; нарядные соломенные шляпки с лентами, все еще чистыми и хрустящими от крахмала. Третий сундук хранил зонтики с бахромой, расписные китайские веера и оперные перчатки из разных пар, расшитые жемчугом; четвертый – вечерние и бальные платья, все такие свежие, как будто только вчера завершился сезон в Дублине и миссис О'Кэролан сложила их ожидать следующего. Но самое лучшее, самое прекрасное хранилось прямо под потолочным окном: свадебный наряд из шелкового кружева шантিলьи. Я никогда раньше не видела такого красивого платья и никогда больше не увижу. Когда стану невестой, когда выйду замуж, надену такое же – из тафты, кружева шантিলьи и кремовой органди. Я вытащила его из сундука и прижала

к себе; в крышке не было зеркала, так что я могла лишь воображать, как выгляжу. Казалось, платье сшили для меня, все эти годы оно пряталось в старых комнатах для прислуги и ждало, пока я его разыщу. Но примерять платье я не стала. Почему-то мысль о том, что оно коснется моей обнаженной плоти, встревожила.

Наиболее сильное восхищение вызвала третья комната. Толкнув дверь, я узрела посреди пустоты чей-то силуэт. Вздрыгнула и лишь потом поняла: это мое дурацкое отражение в зеркале в полный рост. Вот сижу сейчас, пытаюсь описать то, что почувствовала, когда вошла туда, и понимаю: надо представить, что я не осматривала комнату, а продолжала перебирать фотографии. Сепия – вот первое и главное впечатление; кремово-коричневый свет, порождение воспоминаний о минувшем. Тишина; пылинки повисли в лучах каштанового света; потолочные балки убраны гирляндами букетов, давным-давно оставленных сохнуть в недвижимом воздухе и позабытых. В комнате витал причудливый аромат, вездесущий и не поддающийся определению; как будто пахло пеплом роз. Балки и подвешенные сухие букеты дробили охристый свет на плоскости и колонны. В дальнем углу виднелась шляпа пчеловода, снабженная сеткой, а рядом со шляпой – дымарь. Среди теней, сопротивлявшихся лучам цвета сепии, я заметила нечеткие контуры ступенчатых пирамид; оказалось, это сложенные рулоны обоев. В полумраке запах пересохшей на солнце бумаги, мягкой, старой, тронутой желтизной, показался мне волшебным.

Не помню, как долго стояла там, пока комната открывалась мне; по большей части я была потрясена. То, что за пятнадцать лет, на протяжении которых этот дом и прилегающие территории изучались до мельчайших мелочей, я не узнала тайны этих комнат, поражает меня сейчас, но тогда я как будто угодила под воздействие чар: прикосновением заставляла старые букеты покачиваться, пальцем обводила узоры на древних обоях и фризах.

Я бы там задержалась, но откуда-то снизу донесся голос миссис О'К, призывающий меня обедать. Как бежит время! С неохотой я закрывала дверь, в последний раз окидывая взглядом комнату и засушенные цветы. И кое-что увидела. Уверена, что видела. Никакой игры света; в зеркале отражалось свадебное платье из кружева шантлиль – стояло, как невеста перед алтарем, надетое вместо тела на сложенные колонной мертвые букеты.

26 октября 1913 года

Крагдарра
Драмклифф
графство Слайго
Дорогой доктор Чемберс,

надеюсь, это письмо, полученное по прошествии столь долгого времени с той поры, как наши пути пересеклись в последний раз, не станет чересчур большим сюрпризом; даст Бог, оно застанет вас в добром здравии и благополучии. Возможно, вы помните нашу последнюю встречу – она случилась пять лет назад, в отеле «Глендалох Хаус», на торжественном ужине в честь нашего старого и любимого директора, доктора Эймса. Помню тот вечер так хорошо, словно все было вчера. Мы сидели друг напротив друга, и я наслаждался весьма энергичной беседой о гомруле и проблеме Ольстера – и вот эти темы, набившие оскомину, вновь у всех на устах. Я много раз собирался поздравить вас с назначением на пост директора Школы Балротери. Совершенно непростительная оплошность с моей стороны; позвольте выразить самое искреннее восхищение вашими прошлыми успехами и уверенность в успехах будущих.

По правде говоря, я обращаюсь к вам именно в официальном качестве, как к директору школы. Пожалуйста, простите за прямоту. Вы понимаете, меня вынуждают к такому чрезвычайным обстоятельства. Увы, вам наверняка известно, что за последние месяцы семье Десмонд довелось испытать немало злоключений. Несомненно, популярные газеты проникают даже в

такой уединенный монастырь, как Балротери; и вот вследствие тех самых событий мне придется выставить Крагдарру вместе с угодьями на продажу, а самому довольствоваться жилищем поскромнее. В связи с чем я и хочу поинтересоваться, нет ли в школе вакантных преподавательских постов. Я осведомлен, что вы столкнулись с трудностями при подборе персонала, наделенного достойными знаниями в области естественных наук и математики – и обе сферы мне отлично знакомы ввиду прежней профессии. Буду весьма признателен, если вы учтете мою кандидатуру при появлении подобной вакансии в обозримом будущем. Вас не нужно уверять в моих академических заслугах, ибо знания мои безупречны, и я не сомневаюсь, что к любым слухам о моей персоне вы отнесетесь с тем презрением и пренебрежением, каких они заслуживают. Уверен, вас не нужно убеждать и в том, что мои услуги могут принести огромную пользу вашему учебному заведению. В заключение позвольте выразить горячую надежду на благосклонное отношение к моей просьбе и пожелать вам здоровья, благополучия и счастья.

Искренне ваш,
Эдвард Гаррет Десмонд,
доктор философии

Дневник Эмили, 5 ноября 1913 года

Мною овладели лень и апатия. Я давно тебя не открывала, дорогой дневник. С последней записи миновало почти десять дней. Могу придумать кучу оправданий: настроение; ощущения; общая вялость, от которой кости как будто наливаются свинцом; ну и существо в моем чреве. Иногда кажется, что я всего лишь замысловатая складка плоти, обернутая вокруг этой крошечной, нечеловеческой твари с целью ее защитить. Порой чувствую себя большим, жирным и ленивым пузырем теплого масла, надутым до предела, готовым лопнуть от малейшего прикосновения. Но, по правде, честность твоих страниц, открытость твоего сокровенного сердца пугают меня. Ты упрекаешь меня; ты требуешь исповеди.

Что ж, если надо, я исповедуюсь. И в каком грехе сегодня признается Эмили? Лень? Пройденный этап, синие чернила все записали – и бумага стерпела. Может, гнев? О да, дорогой дневник, пожалуй, речь и впрямь пойдет о нем.

Они выглядели очень виноватыми и вели себя с необычайной осторожностью и предусмотрительностью, боясь, что какое-нибудь небрежное слово заставит меня вновь опрокинуть стол вместе с завтраком и умчаться в свою комнату. Мне все объяснили так медленно и продуманно, в таких простых словах, будто имели дело с иностранкой или идиоткой.

До сих пор вижу улыбку на полных, влажных маминых губах, до сих пор слышу нотки самодовольной вежливости в ее голосе: «Эмили, нам придется уехать из Крагдарры. Понимаю, всем будет нелегко – мы очень любим этот дом, – но за деньги, которые твой отец выручит от продажи поместья, мы подыщем милое местечко где-нибудь вблизи от Дублина и там попытаемся вновь стать семьей, а также найдем обещанную гувернантку, чтобы ты могла продолжить учебу, и, быть может, хватит на няню для ребенка».

Я представила себе это «милое местечко», какую-нибудь «городскую джентльменскую резиденцию» в Боллсбридже или Пальмерстауне: терраса из красного кирпича со ступеньками, ведущими к входной двери, комнаты для слуг в подвале, дым из труб и пейзаж за окном: другие трубы, тоже извергающие дым, крыши и телефонные провода. Место, где дикий дух земли закован в цепи, приручен и задушен «респектабельностью», «порядочностью» и «прогрессом», причем случилось это так давно, что он сдох и сгнил, а этого даже не заметили. Ужасно! Чудовищно! Я вскочила, опрокинув стул, и закричала: «Нет! Нет! Нет! Нет! Вы не можете продать Крагдарру. Вы не можете продать мой дом. Вы не можете, вы не посмеете вынудить меня переехать в Дублин. Я убегу, вот увидите...» Я была уже на полпути к двери, когда они одновременно сказали: «Объявления уже размещены в газетах» и «Куда ты пойдешь в таком состоянии, девочка моя?»

Гнев, дорогой мой дневник, гнев и растущая, сокрушительная, серая туча уныния. Кажется, в глубине души я всегда принимала неизбежность продажи Крагдарры. Но разве можно радоваться неизбежности? Смерть – самое неизбежное из неизбежных явлений, но это же не значит, что ее надо ждать с нетерпением. Я отдыхала от гнева и растущего день ото дня, час за часом отчаяния лишь на чердаке – особенно в той комнате, которую назвала Комнатой Парящих Цветов. В ней царит необычайная атмосфера безмятежности и умиротворения, ощущение красоты и чуда, ждущих, когда кто-то их обнаружит. Эта аура меня привлекает, но вместе с тем я ее боюсь, ведь она представляет собой дух старой магии, магии камней, небес и моря. Странно... Одни и те же вещи меня отталкивают и притягивают, ну что я за извращенное существо.

Я открыла для себя прекрасное и совершенно не требующее усилий развлечение: с помощью швейных ножниц миссис О'Кэролан вырезаю из обоев в старых рулонах красивые и сложные узоры. Вырезав вьющийся виноград, стебли, плетистые розы, густую листву и фантастических, наполовину пламенных птиц, я перемещаю фигурки по полу, расставляя и пере-

ставляя, смешивая и комбинируя, превращая в забавных маленьких гибридных существ: цветочных химер; облачных драконов; уродливых и потешных маленьких василисков из спутанной листвы; гоблинов и фей, сотканных из завитушек и прочего орнамента. Сами узоры подсказали мне это времяпрепровождение; они казались какими-то незавершенными – частями чего-то большего, изолированными и пойманными в ловушку, неподвижными, утратившими силу, втиснутыми в бумагу. Я всего лишь восстанавливаю связи между давно разделенными фрагментами.

Примечательный факт: сидя на подушке на полу, возясь с ножницами и горшочком клея, я теряю ощущение времени. В какой-то момент оказывается, что решетчатый прямоугольник бледного осеннего света незаметно переполз с левой стены чердака на правую и миссис О'Кэролан зовет меня ужинать. Возможно, на чердаке стрелки часов бегут проворнее. Возможно, накопившаяся там масса прошлого, словно привязанное к тросику грузило, быстрее вытягивает время из будущего, разматывая его, как катушку. Или, если мыслить более приземленно, дело всего лишь в том, что я становлюсь старше с каждым годом и пережитое превращается в груз, который постоянно тяжелеет, заставляя катушку грядущего разматываться с нарастающей скоростью. Наверное, это ужасно – дрыхнуть и ощущать, как свитая из мгновений веревка становится короче, как само время тащит твоё брненное тело к могиле, словно торопясь от тебя избавиться.

Я намеренно не спешу описать случившееся во время Мессы благодарения за урожай – не потому, что исповедь моя идет к зениту (или, скорее, к надиру?), но потому, что увиденное очень сильно встревожило меня и тревожит до сих пор.

Мне всегда нравились великие церковные праздники. В такие моменты, в такие дни я чувствую, что Церковь преуспевает в объединении духовной и мирской сфер. Мерцающий свет рождественских свечей; терпеливый звон железного колокола над зимними полями, призывающий всех отпраздновать смерть года и рождение Искупителя; мрачная и бледная скорбь Страстной недели – чистая, лишённая красок и орнаментов – всегда чудесным образом контрастировала с ликующим празднованием воскресения и возрождения в сам день Пасхи. Когда Церковь обращается к своим древним, стихийным корням, небо и земля как будто сближаются сильнее всего. Это особенно очевидно во время мессы в честь урожая с её стогами из снопов ячменя, аккуратными пирамидами яблок и груш, корзинами с крыжовником и ежевикой, ящиками с мытой морковью и пастернаком, луком-пореем толщиной с запястье, золотистыми луковицами и головками цветной капусты, бушелями овса и ржи, мешками и грудами картофеля. Нет, там целые горы благородных корнеплодов, за которыми присматривают куколки из кукурузы и соломенные кресты святой Бригитты. Все празднуют доброту и святость земли, по которой мы ходим. Для меня это всегда было главное событие церковного календаря. В этом году, как и раньше в день Праздника урожая, я проснулась под пение жаворонка и приготовилась к мессе. Нарядилась в лучшее, всё – землистых оттенков; выбрала из гардероба вещи красновато-коричневого, желто-коричневого, горчичного и елово-зеленого цветов. Мало что сходило на животе, но все равно к половине одиннадцатого я ждала папу в холле. Он вышел из гостиной, натягивая автомобильные перчатки, и очень удивился.

– Эмили, – сказал он, – что ты делаешь?

– Иду на мессу.

– Моя дорогая, – начал он, и эти два слова прозвучали так, что я сразу поняла: хорошего не жди. – Моя дорогая, в этом году тебе туда не надо. Мне жаль, но придется посидеть дома.

Я подавила приступ ярости.

– Почему я не могу пойти с вами?

Тут из гостиной вышла мама, завязывая ленту своей воскресной шляпки бантом под подбородком, и гнев затопил меня, потому что мама никогда, никогда не ходит в церковь.

Единственная небольшая победа, которую она одержала в битве с папой римским, заключалась в том, что я буду ходить на мессу по желанию; сама она оставалась убежденной протестанткой.

– Эмили, милая, – произнесла она, – сегодня утром ты такая нарядная.

– Она хочет пойти на мессу, – объяснил за меня папа.

Мама посмотрела на меня как на больного ягненка или комнатную собачку.

– Но, дорогая, в твоём состоянии это невозможно. Эмили, доченька, ты можешь подхватить там какую-нибудь заразу – ты же не хочешь как-то навредить малышу, верно? Давай пропустим этот год, хорошо? Еще столько всего впереди.

Да, словно я была комнатной собачкой или больным ягненком. Мною овладело бешенство такой силы, что, пока они садились в машину и отъезжали, я могла лишь стоять с оцепеневшим лицом, будто превратилась в соляной столп. Миссис О'Кэролан, смущенная и удрученная, помахала мне с откидного сиденья сзади. Я увидела, как они миновали ворота и свернули в сторону Драмклиффа. Мамин шепот кружился в моей голове, повторяя одно и то же снова и снова. Но слова были не те, которые она сказала, а те, что подразумевались: «Дорогая, милая доченька, мы не можем допустить, чтобы тебя увидели в таком состоянии. Пойми, ради всего святого, что подумают арендаторы, священник, соседи, мои друзья, когда увидят незамужнюю беременную девушку, которой нет и шестнадцати, нагло заявившуюся в Божий дом?»

И тогда я решилась. Меня не запрут и не спрячут, словно отвратительный плод греха и позора. Одна мысль звенела в моей голове, когда я бежала по подъездной аллее к воротам: я должна оказаться там, в первом ряду; буду стоять на коленях перед родителями, всем приходом и Господом. Они стыдились меня; они винили меня в произошедшем; они считали, что именно я несу ответственность. Болезненный спазм в животе показался требованием капитулировать, но я лишь еще сильнее разъярилась. До церкви было полторы мили, и я прошла их за двадцать минут.

Отец Хэллоран как раз собирался начать проповедь (несомненно, очередную тираду, обличающую нечестивых протестантов-юнионистов из соседнего графства и социалистов-атеистов из Дублина ²⁵); я вошла, когда люди, помолившись, вставали с колен, чтобы послушать проповедника. На самом деле я хорошо помню лишь то, как все тарасились. Сначала отец Хэллоран уставился на меня, и, заметив этот пристальный взгляд, прихожане стали оборачиваться, желая узнать, что привлекло его внимание. Мой собственный отец покраснел от смущения, быстро поднялся и поспешил ко мне, чтобы вывести наружу. Сама я тоже тарасилась – но не на вывернутые шеи и выпученные глаза, а на центральную часть экспозиции, посвященной урожаю. Посреди кукурузных снопов, плетенок из пшеницы и крестов святой Бригитты высилась Она, одетая в шелк шантильи и кремовую органди; свадебное платье, набитое сухими цветами.

8 ноября 1913 года

«Айриш таймс», раздел объявлений

«Карсуэлл и Грир: Агенты по недвижимости»

Продается

(В рамках частной сделки или на аукционе)

Крагдарра – дом и угодья

С удовольствием предлагаем заинтересованным покупателям превосходную недвижимость в Драмклиффе, графство Слайго: замечательная сельская резиденция в георгианском

²⁵ Речь идет о графстве Литрим, соседнем с графством Слайго. В Литримере, как и в трех других графствах, граничащих с Северной Ирландией, в силу исторических причин много протестантов, склонных к юнионизму, то есть объединению с Великобританией.

стиле, окруженная зрелыми ландшафтными садами площадью 2,5 акра; также наличествуют уголья площадью 180 акров. Поместье, расположенное в восьми милях от города Слайго, подле южного склона горы Бен-Балбен, рядом с Брайдстоунским лесом, местной живописной достопримечательностью, объединяет в себе всё очарование сельской жизни с удобствами и изысками жизни городской – и, согласно нашему обоснованному мнению, станет идеальной загородной усадьбой для взыскательного джентльмена-фермера, отставного военного или колониального администратора.

Особняк Крагдарра-хаус датируется 1778 годом и был создан в палладианском стиле мистером Джеймсом Гэндоном, впоследствии руководившим строительством Дублинской таможни. Крагдарра-хаус – отличное доказательство того, что уже на раннем этапе профессиональной деятельности мистеру Гэндону превосходно давались небольшие загородные дома.

Первый этаж, спроектированный Джоном Адамом, состоит из входного портика в классическом стиле, просторного холла с подвесной лестницей, у которой в западных графствах очень мало аналогов; главной гостиной, откуда открывается великолепный вид на залив Слайго; столовой; двух кабинетов; небольшой библиотеки; игровой с бильярдным столом; утренней комнаты с прилегающим зимним садом; кухни с судомойней и спальней-гостиной для экономки; кладовой; прачечной. Второй этаж, спроектированный тем же архитектором, включает две главные спальни в передней части дома, из каждой открывается прекрасный вид на море и горы; три второстепенные (гостевые) спальни; две ваннные комнаты, туалет и детскую. На просторном чердаке расположены комнаты для прислуги и кладовые со стеллажами; попасть туда можно по потайной лестнице.

Все со вкусом обставлено, имеется множество старинных вещей в отличном состоянии.

Помимо особняка в усадьбе находятся конюшня и конюшенный двор с небольшим сеновалом, заброшенный домик привратника и 2,5 акра прекрасных ландшафтных садов, включая аллею рододендронов, утопленный сад, итальянский сад, приусадебный огород за стеной, беседку и теннисный корт с травянистым покрытием. Примерно в 50 ярдах от главного дома, рядом со стеной, обозначающей границу поместья, расположена небольшая обсерватория.

Продаются также уголья Крагдарры, состоящие из 180 акров сельскохозяйственных земель, из которых 50 акров – лес, известный как Брайдстоунский, а остальное разделено между тремя фермерами-арендаторами на участки площадью 60, 45 и 25 акров соответственно.

Аренда осуществляется на основании долгосрочных договоров, заключенных на 99 лет и зарегистрированных согласно Закону 1881 года, размер выплат установлен Судом справедливой аренды и варьируется от 5 гиней за акр в год для обеспеченных арендаторов в низинах до 15 шиллингов за акр в год для более бедной фермы на склоне холма.

Фермеры-арендаторы также пользуются правом на заготовку кормов, рубку деревьев в лесу и выпас скота на находящейся в общем пользовании части склона за стеной поместья. Потенциального покупателя просят учесть, что, хотя правовой статус аренды и был пересмотрен согласно Закону 1903 года, земли находились во владении одних и тех же семей минимум 75 лет и всех фермеров можно считать незаурядными, заслуживающими доверия арендаторами.

Продавец поручил сообщить всем заинтересованным сторонам, что дом и уголья предназначены для продажи как единое целое: предложения только по особняку рассматриваться не будут, предложения по особняку и садам – лишь в том случае, если не будет покупателя на собственность целиком и арендаторы воспользуются правом выкупа арендуемых земель. Тем не менее мы совершенно уверены, что недостатка в сторонах, заинтересованных в собственности единым лотом, не будет.

Совершенно очевидно, что недвижимость такого уровня необходимо осматривать лично, чтобы должным образом оценить соотношение стоимости и качества. Потенциальные покупатели

тели могут обратиться с просьбой о персональных экскурсиях в наш офис в Дублине, в филиал в Слайго или непосредственно к владельцу недвижимости, доктору Эдварду Гаррету Десмонду; номер телефона: Слайго-202. Без сомнения, Крагдарра – один из лучших и наиболее желанных объектов недвижимости, представленных на рынке за последние годы, и ввиду доказанной прибыльности арендуемых ферм будут рассматриваться только предложения на сумму, превышающую 23 000 фунтов стерлингов.

Личный дневник доктора Эдварда Гаррета Десмонда, 16 ноября 1913 года

Подобно скале, что высится над бурным морем, этот дневник во время нынешней катаси являет собой средоточие надежности и утешения. Иметь возможность четко и связно записать все свои противоречивые мысли и чувства, упорядочить смятение, превратив его в дисциплинированные ряды синих каллиграфических букв, – большая отрада в столь унылое и холодное время года. Сближение с Кэролайн не слишком успокаивает. Мы оба понимаем – это нечто искусственное, взаимовыгодный союз для защиты от поведения Эмили, вызывающего растущее беспокойство. Эмили, Эмили, что же нам делать с Эмили? Ужасные, внезапные приступы ярости милосердным образом прекратились, но теперь она замкнулась, стала угрюмой и тихой, впала в депрессию. Так или иначе, пишу без колебаний: мы оба в ужасе от нашей собственной дочери. Она спускается из своей комнаты только для того, чтобы поесть – дважды в день, чего недостаточно, разумеется, для того, кто ест для двоих, и к тому же в отношении меню Эмили чрезвычайно разборчива. Блюдо, которым наша дочь раньше наслаждалась, будет отвергнуто и останется нетронутым, а она с энтузиазмом станет поглощать пастернак и шпинат, которые раньше не удостаивала даже насмешкой. Наши попытки мягкого (и не очень) принуждения потерпели неудачу. Даже неуклюжее посредничество миссис О'Кэролан не заставило Эмили открыть дверь и поговорить с нами. Если бы мы только смогли ей объяснить, что заботимся о ее здоровье и о ребенке... Увы, и это горько признавать, иногда длительное отсутствие Эмили нас весьма устраивает; не видя рядом ее молчаливый, угрюмый силуэт, мы с Кэролайн испытываем слишком большое облегчение, чтобы не забыть на время о существовании нашей дочери. Она так сильно омрачает нашу жизнь, что мы перестали обращать на нее внимание, как на погоду или вид из окна.

И все же я подозреваю – нет, знаю наверняка! – что она куда более деятельна, чем притворяется перед нами. Почему глубокой ночью я неоднократно просыпался от звука шагов в старых помещениях для прислуги наверху, открытых на случай, если придут покупатели и захотят осмотреть? И разве многие из посетителей, которых я водил по дому, не были изумлены, обнаружив вырезки из старых обоев, расположенные так, чтобы наводить на мысли о нимфах, дриадах и прочих эфемерных существах? К тому же они появлялись в очень странных местах: на дне ванны, в ламбрекене в библиотеке, на люстре в гостиной и даже за стеклом акварели с изображением горы Кро-Патрик над заливом Клу, висящей на стене в столовой.

Еще сильнее озадачивает и раздражает, когда утром в кабинете обнаруживается, что ночью кто-то двигал предметы: все мои книги на полках переставлены, лакированная японская корзина для бумаг надета вверх дном на глобус, словно нелепая феска; электрическая настольная лампа заперта в ящике, авторучка разобрана на части, которые раскиданы по ковру. Кэролайн также испытала на себе таинственные перестановки – ее рабочие тетради пропали, а через несколько дней миссис О'Кэролан нашла их сложенными стопочкой в чулане для метел. И сама миссис О'Кэролан жаловалась, что кухонная утварь оказывается в местах, где она ее никогда не оставляла, а порции растущего теста ночью каким-то образом попадают в сливное отверстие кухонной раковины или же кто-то обильно посыпает его чистящим порошком. Самым удивительным был случай, когда моя старинная индийская модель Солнечной системы – обычно пребывающая в обсерватории – обнаружилась как-то утром под дождем посреди теннисного корта. Эта медная штука весит почти три центнера, и требуется вся сила Пэдди-Джо и Майкла, да к тому же помощь Дигнана, чтобы просто сдвинуть ее с места; что уж говорить о пятнадцатилетней девчонке на третьем месяце беременности? Я ощущаю присутствие некоей силы – ей нравится сбивать меня с толку. Понятия не имею о ее природе. Я даже не пытаюсь сформулировать гипотезу, все мои предположения настолько вопиющие, что я немедленно их

отбрасываю. Осознаю, вскоре придется – если дойдет до применения силы, так тому и быть – заставить Эмили нарушить молчание и рассказать всю правду.

2 декабря 1913 года

Школа Балротери
Балротери
графство Дублин
Дорогой Эдвард!

С величайшим сожалением получил известие о постигшем вас несчастье. Пожалуйста, простите за то, что не выразил сочувствие раньше; однако имелся честнейший повод отложить переписку – я хотел проверить все факты, прежде чем сообщить хорошие новости. Мне очень приятно осознавать, что я в некотором смысле помогаю старому приятелю выбраться из затруднительного положения. От имени Совета управляющих целевым фондом предлагаю вам должность преподавателя математики в Школе Балротери.

Мистер Фоули, предыдущий заведующий кафедрой, скорпостижно скончался в середине семестра, и этот трагический уход оставил зияющий пробел в наших математических рядах. Коллеги как могли разделили его ношу, но ввиду экзаменов и подготовки учащихся к поступлению в университеты нам не хватает рабочих рук. Ваше письмо с просьбой пришло как будто по воле Господа, и от имени как Совета управляющих целевым фондом,

так и всего преподавательского состава я рад вновь приветствовать вас в Школе Балротери.

Понимаю, конечно, пройдет некоторое время, прежде чем вы сможете занять должность, учитывая сложности переезда всей семьей в Дублин, но наши потребности в некотором смысле безотлагательны, в связи с чем позвольте поинтересоваться, сможете ли вы приступить к выполнению преподавательских обязанностей в начале нового семестра, 4 января?

Вы увидите, что Школа Балротери – по-прежнему дружелюбное учебное заведение, юность в котором мы все вспоминаем с такой теплотой, пусть и носим теперь учительские мантии. Многие из преподавателей, как вы и ваш покорный слуга, в прошлом были учащимися, и мы по-прежнему привлекаем мальчиков из лучших семей различных конфессий. Думаю, вас обрадует, как мало школа изменилась с тех пор, как мы вместе носились по этим коридорам.

В заключение отмечу, что был бы признателен за скорейшее извещение о том, согласны ли вы занять должность; также прошу сообщить, могу ли я или коллеги каким-то образом поспособствовать вашему переезду и обустройству на новом месте – пожалуйста, просто сообщите, что вам требуется. Поздравляю с благоприятными переменами, желаю всего наилучшего под сенью Школы Балротери.

С уважением,
Освальд Чемберс, магистр, дипломированный педагог
директор Школы Балротери

Дневник Эмили, 21 декабря 1913 года

Ночью слышно, как с тихим шелестом и потрескиванием они отрываются от обоев и складываются, чтобы проскользнуть в щель под дверью, за плинтус, между половицами; сгибаются и разгибаются, сворачиваются и разворачиваются, снуют по спящему дому, трогают, изучают, проверяют, ощупывают. Стоит мне встать и включить свет, застать их в сложенном или разложенном виде, как они тотчас же прекращают шуршать, словно заговорщики, и прижимаются к стенам, чтобы вновь превратиться в узоры на обоях; или же шныряют под ковер. Днем я вижу их повсюду и нигде... Мимолетное движение; нечто успевает проشمыгнуть на самом краю поля зрения и замирает, стоит мне обратить на него взгляд; тень встает за моей спиной, а когда я поворачиваюсь, там всего лишь узор, вытравленный кислотой на стеклянном абажуре.

Знаю, что им нужно. Они хотят, чтобы я приняла старую магию, вышедшую из леса и ищущую меня. Они протягивают мне руки, ждут, что я отвечу тем же, и тогда мы уйдем прочь. Это одновременно пугает и приводит в восторг, ведь внутренний голос все еще умоляет: «Да, да, уведите меня отсюда. Надоело быть человеком. Оденьте меня в кружево шантিলли и кремовую органди, унесите куда пожелаете, вместе с ребенком».

Теперь я понимаю, почему не примерила это платье, увидев его впервые: это бы означало принять их, а с ними и участь, которую они для меня приготовили. Надев его, я стала бы Девой Цветов, Королевой Утра. Я не смею смотреться в зеркала, я бросаю на них лишь мимолетные взгляды, потому что боюсь увидеть Ее – свадебное платье, наполненное сухими цветами. Но Она больше не узница зеркал. Она обрела силу, освободилась от оков. Глядя из французских окон гостиной, я видела, как Она парит посреди утопленного сада, окутанная туманом. В другой раз я заметила Ее в беседке, и призыв немыслимой силы заставил меня без промедления выбежать в декабрьскую морось, помчаться по рододендроновой аллее к промелькнувшему силуэту. Увы, напрасно. В беседке не было ничего, кроме паутины, мертвых мотыльков и сухого древесного аромата давно минувших солнечных дней. Мама и папа сделали мне строгий выговор и запретили покидать дом, пока не родится ребенок. Но мне не нужно выходить наружу, чтобы понимать, куда Она меня манит; чердак, дом, сад, беседка – шаг за шагом Она приближается к Брайдстоунскому лесу. Вчера, незадолго до темноты, я выглянула из окна своей спальни и увидела Ее у перелаза через стену, ограждающую поместье от Брайдстоунского леса. Этим утром я успела заметить Ее: едва видимый призрак скользил в холодном сером тумане между деревьями на опушке, и манил, и звал меня.

Такова суть дилеммы. Принять зов или отвергнуть? Доктор Орт в своей клинике убедил меня в определенном устройстве мира; мои воспоминания и личный опыт говорят о том, что все иначе. Эти две точки зрения не уживаются под одной крышей – ох, временами кажется, что я схожу с ума! Отовсюду раздаются голоса, они кричат – каждая стена, дверь и предмет мебели требуют от меня: «Решай! Решай! Решай!» Куда идти: в бранный мир или в сумрачный лес? Если выбрать людское, то магия, чудо и красота растворятся в галлюцинаторном лимбе. Понравится ли мне осознать себя человеком, оказавшимся во власти бреда? Если выбрать потустороннее, то все истины обо мне, внушенные доктором Ортом, останутся позади, словно брошенная на пол старая одежда. Решай! Решай! Решай!

Старые комнаты для прислуги перестали быть безопасным, волшебным убежищем, радовавшим меня прежде. В позапрошлый раз, когда я поднялась наверх, показалось, что из каждого угла на меня кто-то смотрит, ждет, что-то алчно предвкушает, и все это перешло в ощущение такой угрозы, что я не смогла продвинуться дальше Комнаты Забытых Воспоминаний, разрываясь между притяжением и отторжением. Голоса все громче зывали: «О дитя, иди ско-

рей, в край озер и камышей...»²⁶ Я все громче им отказывала, пока это не сделалось невыносимым; в исступлении я схватила первое, что попало под руку, и, не глядя, грохнула об пол. Раздался звон бьющегося стекла – и наступила тишина, подобная великому безмолвию перед сотворением мира. На полу среди осколков валялась рамка с фотографией, подписанной: «Кэроли и Лесная нимфа. Сад Времени, август 1881 года».

Я одержала одну маленькую тактическую победу, но неизбежный конфликт нельзя было надолго откладывать.

И его не отложили.

На протяжении недели после надругательства над фотографией я боролась с желанием вернуться на чердак – и всю неделю сверхъестественные силы как будто удваивали и утраивали атаки, а Крагдарра в это время хаотично готовилась к последнему Рождеству. Обойный народец постоянно мельтешил на краю поля зрения, сбивая с толку, и от этого у меня все время болела голова. Символическое древо воздвигли и утыкали свечами под рокот магии, подобной надвигающейся грозе. Потолок гостиной украсили лентами, холл – букетиками из плюща и омелы, дверь – венком из остролиста. Глубокой ночью весь дом дрожал и трясся, словно ему что-то снилось. Стало понятно – все закончится, лишь когда мне хватит смелости взглянуть правде в глаза и сделать выбор. Я размышляла о фотографии в испорченной рамке в Комнате Забытых Воспоминаний – о том, как моя мать предпочла быть Кэролайн, звездой Гэльской литературной лиги, а не Кэроли, подругой Лесной нимфы из Сада Времени, – и поняла, почему все эти годы комнаты на чердаке оставались закрытыми. Мне больше всего на свете хотелось поговорить о том времени, но я понимала, что этому не бывать – маму охватил бы страх, узнай она, что двери, якобы запертые на засов, все эти годы оставались приоткрыты. Так и вышло, что после долгих и мучительных раздумий я осознала отсутствие выбора и ночью, выждав, пока весь дом заснет глубоким сном, с масляной лампой в руке поднялась по узкой потайной лестнице в старые комнаты для прислуги.

В ту ночь на чердаке царила такая сильная магия, какой я еще ни разу не ощущала, – она тянула меня прочь от надежного берега реальности, как отбойная волна, и стоило бы мне хоть на миг потерять контроль... Понадобились все мои физические и психические резервы, чтобы противодействовать ее неумолимому притяжению и продвигаться вперед осторожно, шаг за шагом. Сквозь разбитое стекло за мной наблюдало лицо моей матери. Ощувив внезапную потребность в средстве защиты, я наклонилась и подняла длинный осколок, мой кинжал. Дверь в соседнюю комнату распахнулась передо мной. Пол был покрыт узорами из обезумевшего лунного света и бегучих облачных теней. Меня влекло через комнату старой одежды в Комнату Парящих Цветов.

За дверью поджидало зеркало. Я заглянула в него. Позади меня в пустом дверном проеме стояла Дева Цветов. Я развернулась в мгновение ока, и на этот раз увиденное не было иллюзией. Складки каштанового шелка переливались на сквозняке, цветочные головки перешептывались друг с другом. Я могла бы прикоснуться – я почти прикоснулась. Мои пальцы потянулись к платью, а потом я поняла, что делаю, осознала последствия своего поступка и ударила кинжалом, стеклом от разбитой фотографии. Ткань почти по-человечески вскрикнула, платье разорвалось от груди до бедер. Внутри разорванного лифа я увидела спутанные белые корни,двигающиеся, копошащиеся! Я отпрянула в страхе и тут же подверглась атаке подкрепления. Из рулонов, бордюров, фриз и уголков, до поры служивших темницами, явился обойный народец: выющиеся побеги напечатанной листвы оторвались от бумаги и превратились в пикси, хобгоблинов, драконов, василисков и саламандр. Они налетели роем, набросились толпой; порхали перед лицом и путались в волосах, словно летучие мыши. Я пыталась их вытаскивать и рвать на кусочки, но врагов было слишком много. В отчаянии я рубила, резала стек-

²⁶ Отсылка к стихотворению У. Б. Йейтса *Stolen Child* («Похищенный», пер. Г. Кружкова).

лянным кинжалом. Никогда не забуду ужасные скрипучие звуки, которые они издавали под острым стеклом. Пробиваясь к выходу в Комнату с Сундуками, я рассекала, рубила, кромсала. Я попыталась захлопнуть дверь перед обойным народцем, но они были слишком проворными и тонкими; те немногие, кого удалось зажать в дверных петлях, жутким образом корчились и трепыхались. Я вздрогнула от боли на щеке. Бумажный хобгоблин отлетел в сторону, и я поняла, что он порезал меня, в точности как вспарывает плоть лист бумаги, если с ним обращаются небрежно. Схватив хобгоблина, я разорвала его на кусочки, но обойный народец быстро усвоил эту новую ужасную тактику и набросился на меня с удвоенной силой, оставляя царапины, порезы и раны. Я не могла от них отмахиваться. Я тщетно отбивалась клинком, а комната в это время гудела, как барабан из волчьей шкуры, потому что сундуки с одеждой дребезжали и грохотали, в нетерпении подпрыгивая на голых досках пола. Я убежала, пряча лицо в ладони, в Комнату Забытых Воспоминаний. Разгоряченный кровью обойный народец последовал за мной. Алые капли стекали с моих иссеченных рук на рукава ночной рубашки. Я не могла закрыть дверь – тогда враги атаковали бы мой рот и глаза. Я брела вслепую, разбрасывая груды старых фотографий. Сквозь настойчивый барабанный бой и писк летучих мышей я слышала голоса, это были голоса людей на фотографиях, голоса из далекого прошлого, и все они повторяли одно и то же слово: «Выбирай... выбирай... выбирай... выбирай...» Я обнаружила, что сквозь окровавленные пальцы смотрю на фотографию матери. Она ответила мне ужасным обвиняющим взглядом. Буря голосов и хлопанье крыльев достигли крещендо. На мгновение показалось, что я наконец-то с радостью нырнула в безумие, и она была там, передо мной – Дева Цветов стояла в дверях, ведущих на лестницу для прислуги.

Волна паники, замешательства, криков и писклявых бумажных демонов обрушилась на меня, увлекла прочь от берега реальности, за которую я цеплялась. В одно мгновение меня унесло в Потусторонний мир. Внезапно все прояснилось, все засияло поразительным светом. Стало очевидным, чего хочу больше всего на свете – и в этом мире, и в другом. Я бросилась к Деве Цветов и заключила ее в объятия. От моего прикосновения фальшивая жизнь покинула это существо. Меня окружили складки ткани, я почувствовала, что тону в каскаде цветов и влажной, черной, удушающей земли. Зловоние перегноя застряло в горле, нечистая труха заполнила рот и раздула щеки так, что я с трудом выдавила: «Да! Да, согласна, да».

Я была в Комнате Парящих Цветов – прямо перед стоящим посередине зеркалом. Пол, стены, потолок и стеклянный люк в крыше испятнали узоры, сплетенные ветром из лунного света, и все поверхности покрывал обойный народец. Я наклонилась, чтобы дотронуться до одного – не прыгнет ли он, целясь мне в глаза? Но тварь оказалась неодушевленной и неподвижной, как будто нарисованной. Я посмотрела в зеркало. Я узрела себя – Деву Цветов, долгожданную Королеву Утра, облаченную в одеяние, которое приготовили для меня давным-давно. Я коснулась разреза, оставленного стеклом, и красивая ткань обвисла, обнажив меня от груди до лона. Мой округлившийся живот выпирал сквозь разорванную тафту. Я позировала, становилась так и этак, крутилась и вертелась, любовалась собой в свадебном платье, чьи складки мягко прилегали к коже, источая аромат весны и неба. Мною без остатка овладело головокружительное хмельное ликование. Я подбежала к окну в крыше, распахнула его и высунулась наружу, чтобы погреться в теплом лунном свете и окинуть взглядом свои владения. Налево до темного моря простиралась земля, разделенная на фермы и участки. Справа высился, точно каменный дракон, вырвавшийся из воды, Бен-Балбен. Впереди мерцал покрытый инеем сад, переходящий в лес плавно и незаметно, как и задумал его создатель. И да, лес! Я ахнула. Дом и сад внезапно показались крошечным ковчегом, затерянным в океане древесных крон. К моему величайшему изумлению, лес превзошел не только имение, но сушу как таковую и даже сам океан. Лес тянулся, бесконечный, переходя в пейзаж иных краев. Любуясь ими, я услышала вдали, как поют рога Дикой охоты и лают красноухие гончие Вечно Юных. Я поняла, что сиды охотились – они, как всегда, охотились в Ратфарнхэмском лесу, в Брайдстоунском лесу,

на склонах Бен-Балбена и холмов моих сновидений. Скоро, очень скоро они придут, чтобы забрать меня из грязи, уныния и пепла этого мира в бесконечный свет Потустороннего. Скоро, очень скоро я – о да! – сброшу, словно шелуху, свой человеческий облик, имя, прошлое и все сопутствующие им препоны, а после – волна в море снов, неумная, переменчивая, бессмертная и бездушная – превращусь в легенду.

28 декабря 1913 года

Глендан
Блэкрок-роуд
Блэкрок
графство Дублин
Дорогая Конни,

итак, пришло время свести все воедино! Месяцы блужданий по джунглям ошибочных догадок и предположений, порожденных «крагдаррским казусом», наконец-то позади; я выхожу на свет Божий и даже способен выдвинуть осторожную гипотезу.

Недавно проведенные в Англии исследования паранормальной активности продемонстрировали тесную связь между подростками с эмоциональными или сексуальными проблемами и экстрасенсорными явлениями: фантомными звуками, изредка полтергейстами, странными огнями в небесах, причудливым изменением температуры в разных частях жилища. Я не думаю, что мы сильно исказим определение паранормальной активности, если включим в него проявления фейри в крагдаррском казусе, и похоже, что они представляют собой воплощение подавленной сексуальности Эмили, вырвавшейся из ее подсознания.

Это я и стремился подчеркнуть во время нашей беседы, когда расспрашивал Эмили, насколько регулярен ее менструальный цикл. Большое спасибо за копии стенограмм. Все это начинание пошло бы прахом без некоего документального фундамента, на который можно опираться. Период менархе бывает весьма тревожным. У некоторых девочек он вызывает такое беспокойство, что остается неизгладимый психологический шрам. Я намеревался установить связь между месячными Эмили – всплесками эмоционального, сексуального и физиологического напряжения, – проявлениями фейри и перебоями в электроснабжении. Эти последние отнюдь не те мелкие неприятности, за которые их выдавали Десмонды. Подробнее о перебоях – позже. На данный момент корреляция между указанными феноменами выглядит достаточно явственной, чтобы иметь первостепенное значение; впрочем, поскольку указанная область знаний изобилует нерешенными вопросами, утверждение вовсе не бесспорное. Итак, тот факт, что менструальный цикл Эмили аномальным образом совпадает с новолуниями (во всех религиях и мифологических структурах они наделяются огромной символической и мистической важностью), еще сильнее подкрепляет мои выводы.

Несомненно, святой Йейтс внушал бы нам, что графство Слайго (если уж на то пошло, вся Ирландия) кишит фейри-воителями и мифическими героями, которые только и ждут, чтобы их обнаружили, напечатали их портреты на первой странице «Стаббс Газетт» и т. д. и т. п. Мой подход менее буквалистский. В то время как наш поэт утверждал бы, что фейри уже существовали и были только замечены Эмили, я склоняюсь к выводу, что фейри вообще не существовали, пока Эмили их не увидела; то есть фактически именно она их и сотворила. Власть воли над материей уже давно засвидетельствована нашими собратьями по мистицизму, созерцающими собственный пупок на заснеженных склонах Тибетских гор; их тренированная психика, по-видимому, может создавать материальные, живые объекты исключительно благодаря силе воли. Если они просто упражняют ради собственного развлечения талант, сокрытый в каждом из нас, то, возможно, не стоит удивляться, обнаружив тот же самый дар притаившимся в дальнем уголке графства Слайго.

Пока вопросов нет? Ну ладно. Тогда заведу тебя немного дальше в царство умозрительных построений. Принимая во внимание все вышесказанное, я спрашиваю себя: возможно ли, что на глубоком подсознательном уровне – куда более сокровенном, чем доступные с помощью гипноза, и те, о которых теоретизировал славный доктор Фрейд, – человеческий разум находится в непосредственном контакте с потаенной тканью бытия? Что во вселенной существует ментальная подложка, с которой определенные индивиды в определенное время и при определенных обстоятельствах могут взаимодействовать? (Прости, что я выражаюсь так витиевато, Конни, но в королевском английском пока что не существует выражений, годных для описания этой предвечной структуры.) Философы настаивают, что реальность может быть лишь такой, какой мы ее воспринимаем; но возможно ли, что при соприкосновении с этим субъективным морем бытия сама его природа, а с нею и природа нашей реальности может измениться?

Надеюсь, милейшая Конни, к этому моменту мои рассуждения стали тебе понятны. Подавленные сексуальные желания и страхи Эмили затронули древний, формирующий реальность уровень сознания, спрятанный глубоко под любым доступным рассудку уровнем ее разума, и скопившаяся там мощь посредством особой системы символов и личной мифологии воплотила в жизнь фантазии и грезы. Не могу не думать о том, как бы отреагировал наш Йейтс-Олимпиец, узнав, что он в некотором смысле сам несет ответственность за то, что его герои обрели плоть и кровь? Испытал бы приятное удивление или ужас? Сдается мне, второе куда вероятнее.

Но не стоит думать, что теорию можно применять универсальным образом, как панацею. Такова проблема с исследованиями в этой области, будь она неладна. Здесь нет препаратов – расщепленных, высушенных, замаринованных в формалине. Все равно что пытаться выпить море: как ни старайся, толку не будет. Никто не соблюдает правил, если вообще существуют правила, которые можно соблюдать. Самое вопиющее несоответствие заключается в следующем: если фейри – воплощение подавленной сексуальности Эмили, отчего же они набросились на нее и изнасиловали? (Невзирая на то, что писали в газетах, я убежден, что преступник был родом не из нашего мира. Слишком уж аккуратно выбран момент; место происхождения; да и прочие символы чересчур гармонируют друг с другом, чтобы оказаться случайными.) У меня есть одно правдоподобное объяснение. Мне интересно, что ты об этом подумаешь. Вернемся к глубинным уровням предсознания²⁷: если Эмили смогла придать форму и материальность своим неосознанным желаниям, не могло ли то же самое произойти с неосознанными страхами и ужасами? Ибо в недрах разума страхи в той же степени неуправляемы, что и желания. Поэтому я склонен считать, что в тот момент, когда реализовались ее самые мощные грезы на тему сексуальных, романтических приключений, все страхи, опасения и угрызения совести, усвоенные от сестер в Школе Креста и Страстей (у меня нет иллюзий даже по поводу «продвинутых» монастырских школ), преобразили возлюбленного ее мечты, этого Луга из нашей прошлой беседы, в кошмарного насильника, который и наказал Эмили за грехи.

Я не забыл про электричество. Тут все становится по-настоящему затейливым. Пожалуйста, наберись терпения. Я не могу доказать то, что намерен заявить, и даже не знаю, допустимо ли такое с научной точки зрения; так или иначе, я убежден, что Эмили создала свой мифический пантеон из электричества. Ни в нашем мире, ни в Потустороннем ничего не дается задаром. Метаморфоза означает, что был израсходован некий заряд энергии. Ученые нам твердят, что материя и энергия не могут быть ни уничтожены, ни сотворены; но можно ли считать их взаимозаменяемыми? На осознанном уровне реальности это немыслимо и невероятно, однако на предсознательном, первичном уровне вселенной – более достижимо, чем можно вообразить. Простой неосознаваемый рефлекс мог заставить Эмили обратиться к первому попавшемуся источнику силы, годной для того, чтобы превратить фейри из выдумки в реальность.

²⁷ Предсознание – термин из области психоанализа, введенный Зигмундом Фрейдом.

На самом деле она могла машинально черпать эту силу и создавать волшебных существ на протяжении некоторого времени. Вот, насладись – прилагаю весьма интригующую вырезку из газеты от 27 мая 1913 года.

**«Айриш Индепендент»
(утренний выпуск)
ТАИНСТВЕННЫЙ СБОЙ В ПОДАЧЕ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ ПОРАЗИЛ ДУБЛИН!**

Дублинская электрическая компания так и не предоставила объяснений по поводу загадочного сбоя, погрузившего всю южную часть города в хаос: вчера между шестью и семью часами вечера были обесточены все домохозяйства, что испугало широкую общественность.

Весь транспорт встал. Сбой электроснабжения обездвижил трамваи, и заторы лишь усугубились тем, что вокруг застрявших вагонов скопились другие участники дорожного движения вместе со своими автомобилями. В довершение всеобщего хаоса на час прекратилось предоставление услуг телеграфа и телефонии, что фактически изолировало Южный Дублин от прочей страны и империи в целом.

На данный момент наша редакция не получила никаких разъяснений по поводу сбоя в подаче электроэнергии. Люди науки в растерянности; кроме того, представитель Дублинской электрической компании сообщил, что в период сбоя все генераторы на станции в Рингсенде работали на полную мощность, а датчики регистрировали подачу напряжения в пределах нормы. Инженеры компании в настоящее время проверяют и перепроверяют трансформаторы (понижающие напряжение до уровня, безопасного при бытовом использовании), и, хотя предполагается, что причина сбоя кроется где-то в системе передачи тока, мистер Норман Паркинсон, представитель компании, не исключает саботаж со стороны какой-либо экстремистской националистической группировки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.